

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

**Американские
речи**

YMCA-PRESS

PARIS

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

**Американские
речи**

YMCA-PRESS

**11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève
75005 Paris**

© World Copyright A. Soljenitsyne.

© 1975, YMCA-PRESS pour l'édition en langue russe.

**РЕЧЬ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА
В ВАШИНГТОНЕ, 30 ИЮНЯ 1975
ПО ПРИГЛАШЕНИЮ АФТ-КПП ***

* Американская Федерация Труда — Конгресса Производственных Профсоюзов.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ДЖОРДЖА МИНИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АФТ-КПП

Когда мы думаем об исторических битвах и конфликтах нашего века, то естественно мы думаем о знаменитых лидерах: о людях, управлявших народами, командовавших армиями и вдохновлявших движения либо в защиту свободы, либо в угоду идеологиям, которые уничтожали свободу.

Да, сегодня, в этот грозный час человеческой истории, когда силы, выступающие против свободы человеческого духа, стали более мощными, более жестокими, более смертоносными, чем когда либо раньше, тот единственный человек, который выше всех поднял светоч свободы, не возглавляет государства, не командует армией и не руководит движением, доступным нашему взору.

Но движение есть, — сокрытое движение людей, у которых нет кабинетов и нет штаб-квартир, которые не представлены в просторных залах, где встречаются нации, которые ежедневно страдают за право свободы слова, за право думать, за право быть самим собой, и рискуют больше, чем любой из нас за всю свою жизнь.

Где же члены этого сокрытого движения? В то время как мы сегодня вечером готовимся почтить среди нас одного из них, давайте подумаем об

остальных: о миллионах, томящихся в советских лагерях рабского труда; о бесчисленных тысячах, одурманенных и сидящих в смиренных рубашках в так называемых “психических лечебницах”; о массах бессловесных рабочих, которые заняты рабским трудом на фабриках, управляемых комиссарами; о всех тех, кто пытается услышать частицы и обрывки правды на глухимых радио-волнах запрещенных передач, и кто, в тени тиранни, записывает и передает из рук в руки запретные мысли.

Но даже если они остаются для нас невидимыми, теперь мы можем их услышать: из-под нёта притеснений вырвался голос, который требует, чтобы его слушали, и ему в этом отказано не будет.

Мы прислушиваемся к этому голосу не потому, что он говорит за левых или за правых или за какую-либо фракцию, а потому, что он бесстрашно бросает правду в зубы тоталитарной власти. Насколько легче и удобнее было бы подчиниться и принять ложь, которой эта власть живет!

В чём сила этого голоса? Как он проник к нам, в то время как другие голоса были заглушены? Его сила — в искусстве.

Александр Солженицын — не крестоносец, не политический деятель, не генерал. Он — художник.

Искусство Солженицына — озаряет правду. В

известном смысле оно — подрывное: оно подрывает лицемерие, подрывает обман, подрывает Великую Ложь.

Очень немногие за всю историю, и никто в наши дни не проявил так разительно как Солженицын силу пера, сопряженную с отвагой.

Сила эта нам сегодня необходима до крайности. Она необходима, чтобы показать новым и забывчивым поколениям среди нас, что значит не обладать свободой. Искусство и бесстрашие Солженицына помогли нам это осознать.

Его искусство — исключительный дар. Его не передать другому. Но давайте помолимся, чтобы отвага его была заразительна.

Необходимо, чтобы раздалось эхо на его голос, необходимо, чтобы оно было слышно в Белом Доме, в Государственном Департаменте, в университетах, через средства массовой информации и, позвольте сказать, должен его услышать наш посол в ООН, Патрик Мойнихен.

Американское профсоюзное движение с самого начала и донныне посвятило себя непоколебимой, неуступной вере в свободу. В свободу для всего человечества как и для нас самих. Именно в этом духе мы имеем честь представить оратора сегодняшнего вечера.

Большинство присутствующих здесь сегодня — люди труда, созидательного труда, и сам я, проработавши в жизни немало лет каменщиком, литейщиком, чернорабочим, и от имени всех тех, кто делил со мною подневольный труд, как эти два бывших заключённых ГУЛага*), которых сейчас вы видели... и от тех кто сегодня работает в нашей стране в угнетённом состоянии... — я могу начать сегодняшнюю речь обращением: Братья! Братья по труду!

Не забывая и многочисленных почётных гостей, присутствующих здесь, добавим: дамы и господа!..

«Пролетарии всех стран — соединяйтесь!» —

*) Александр Долган и Симас Кудирка.

этот лозунг кто из вас (аплодисменты), кто из вас не слышал этого лозунга, который звучит над землей уже сто двадцать пять лет... и сегодня вы можете найти его на любой советской брошюре и на каждом номере газеты «Правда». Но никогда руководители коммунистической революции в Советском Союзе не применили этих слов искренне и в полном их смысле. Когда нарастает за десятилетия много лжи, то мы уже забываем ту коренную, основную ложь, которая не на листьях дерева, а у корней его. Сейчас почти невозможно уже вспомнить и поверить... Я недавно специально опубликовал, снова переиздал брошюру тысяча девятьсот восемнадцатого года *). Это подробная запись собрания всех представителей Петроградских заводов и фабрик, того самого города, который у нас называют колыбелью революции. Повторяю, это был март 1918 года. Прошло всего четыре месяца после октябрьской революции — и все представители петроградских фабрик и заводов — проклинают коммунистов, которые обманули их во всех обещаниях. И более того — не только оставили в холоде и голоде Петроград, сами убежав из Петрограда в Москву, но расстреливали из пулемётов рабочие толпы на заводских дворах, которые требовали вы-

*) «Континент» № 2.

бора независимых фабрично-заводских комитетов. Я напоминаю — это был март восемнадцатого года. Сейчас уже редко кто может восстановить в памяти: и подавление Петроградской забастовки рабочих в 1921 году и Колпинский расстрел двадцать первого года... Среди того руководства, среди ЦК, руководившего коммунистической партией в начале революции, все были интеллигенты-иммигранты, приехавшие на уже происходящие в России волнения производить коммунистическую революцию. Один из них был настоящий рабочий — токарь высокого разряда до последнего дня своей жизни... Это был Александр Шляпников. Кто знает сейчас это имя? Именно потому, что он был выразителем истинных рабочих интересов в коммунистическом руководстве... Годы перед революцией, там в России, он руководил всей коммунистической партией, руководил именно Шляпников, а не Ленин, который был в эмиграции. В двадцать первом году он возглавил рабочую оппозицию, которая доказывала, что коммунистическая верхушка изменила, предала рабочие интересы, попирает пролетариат, угнетает пролетариат и переродилась в бюрократию. Шляпников исчез и канул. Он был арестован потом, позже, а так как он держался стойко — расстрелян в тюрьме и имя его может быть многим сегодня здесь даже неизвестно. А я напоминаю: перед ре-

волюцией, во главе коммунистической партии России — стоял Шляпников, а не Ленин.

С тех пор рабочий класс никогда уже не мог отстоять своих прав. И в отличие от всех стран Запада наш рабочий класс получает только подачки. Он не может защитить самых простых своих бытовых интересов и малейшая забастовка, по поводу зарплаты или бытовых условий, рассматривается как контрреволюция. Благодаря закрытости советской системы вы никогда не слышали, вероятно, ни о текстильной забастовке в 1930 году в городе Иванове, ни о рабочих волнениях в 1961 году в городах Александрове, Муроме. Ни о крупном рабочем восстании в Новочеркасске в 1962 году, т. е. уже в хрущёвские времена, после всех оттепелей. Об этой истории будет подробно скоро напечатано в вашей стране, в моей книге «Архипелаг ГУЛаг» том третий. Это была история, когда рабочие пошли мирной демонстрацией к горкому партии с портретами Ленина, прося изменить экономические условия. По ним открыли пулемётный и автоматный огонь, и танками разгоняли толпу, и даже своих раненых и убитых никакая семья не смела взять: их всех тайным образом убрали...

Именно присутствующим здесь мне не надо объяснять, что в нашей стране после революции никогда не бывало и не существует свободных

профсоюзов. Вольно руководителям британских тредюнионов играть в эту недостойную игру: ехать делать визиты воображаемым профсоюзам и... напарываться на встречные визиты. Но Американская Федерация Труда — Конгресс Производственных Профсоюзов никогда не поддавались этим иллюзиям, никогда (аплодисменты)... американское рабочее движение никогда не давало себя ослепить и принять рабство за свободу. И я сегодня от всех наших угнетённых благодарю вас!.. (аплод.)... Когда мудрецы и либеральные мыслители Запада, забывшие значение слова «Либерти», клялись тут на Западе, что в Советском Союзе никаких концентрационных лагерей вообще не существует, — Американская Федерация Труда опубликовала в 1947-ом году карту, карту наших лагерей. И от всех заключённых того времени я благодарю ваше американское движение! (аплод.).

Но подобно тому, как мы ощущаем себя с вами союзниками существует и другой союз... На первый взгляд странный, удивительный, а если вдуматься, так очень даже обоснованный и понятный. Это союз наших коммунистических вождей и ваших капиталистов (аплод.)... Этот союз не новый. Ныне здравствующий и очень прославленный Арманд Хаммер положил начало, сделал первую разведку еще при Ленине, в самые первые годы рево-

люции. Разведка оказалась чрезвычайно успешной, и с тех пор происходит все эти пятьдесят лет — мы наблюдаем непрерывную, постоянную поддержку со стороны бизнесменов Запада, которые помогли советским коммунистическим вождям, их неуклюжей, нелепой экономике, которая не могла бы никогда справиться сама со своими трудностями, непрерывную помощь материалами и технологией. Крупнейшие стройки первой пятилетки были созданы исключительно при помощи американской технологии и американских материалов. И сам Сталин признавал, что две трети всего необходимого было получено с Запада. И если сегодня Советский Союз имеет могучие военные и полицейские силы, при стране по современным меркам нищей, — эти силы он имеет для подавления нашего свободного движения в Советском Союзе, — то мы также должны благодарить, но в этот раз должны благодарить западный капитал.

Я напомним недавний случай. Некоторые из вас читали в газетах, а другие могли пропустить. Инициативой ваших бизнесменов... была устроена в Москве выставка криминалогической техники, т. е. новейшую, самую новейшую тонкую технику, которая предназначена у вас для ловли преступников, для подслушивания, подсматривания, фотографирования, выслеживания, опознания преступников, они

повезли в Москву.. (аплод.).. они повезли в Москву на выставку и поставили, чтобы советские кагебисты могли изучать... Будто бы, не понимая каких преступников, кого будет ловить КГБ.. Советское правительство чрезвычайно заинтересовалось этой техникой и решило купить её, и ваши бизнесмены охотно стали продавать. И только когда здесь отдельные трезвые голоса подняли шум, остановили эту сделку, продажа не состоялась только таким образом. Но надо знать ловкость КГБ: не то что две-три недели надо было стоять этой технике в советских помещениях, под советской охраной, достаточно было двух-трех ночей, чтобы кагебисты там уже рассмотрели и перекопировали... И если сегодня идет у нас ловля людей с самой лучшей, с самой совершенной техникой, то я сегодня тоже могу поблагодарить ваших западных капиталистов!

Это то, что почти непонятно человеческому разуму: та сжигающая жажда наживы, которая теряет всякие границы разума, всякие границы самоограничения, всякую совесть, только бы получить деньги (аплод.)... И я должен сказать, что Ленин предсказывал это всё. Ленин, который большую часть жизни прожил на Западе, а не в России, вообще Запад знал лучше чем Россию, — он всегда писал и говорил, что западные капиталисты сде-

дают всё, чтобы укрепить экономику СССР. Они будут соревноваться друг с другом, чтобы продать нам дешевле, продать быстрее, чтобы Советы купили именно у этого, а не у того. Он говорил: они всё нам сами принесут, не представляя себе своего будущего. И в тяжелые минуты, на партийном съезде в Москве, он сказал так: «Товарищи, не паникуйте, когда нам будет очень плохо, мы дадим буржуазии верёвку, и она сама удавит себя». И тогда Карл Радек, может знаете, был такой находчивый остряк, сказал: «Владимир Ильич, ну откуда же мы наберём столько верёвки, чтобы вся буржуазия удавилась?» И Ленин без затруднения ответил: «А сама буржуазия нам её и продаст...» (аплод.)... Десятилетиями — двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые годы, вся советская печать писала: «Западный капитализм — тебе конец! Мы тебя уничтожим!» Но капиталисты как не слышали: они не могут понять, они поверить этому не могут. Никита Хрущёв приехал сюда и сказал: — мы вас похороним!, — они не поверили, они приняли это за шутку. Сейчас, конечно, сейчас говорят: разрядка... (аплод.)... Ничто не изменилось в коммунистической идеологии, и цели остались те же, но вместо простодушного Хрущёва, который не умел держать язык за зубами, теперь говорят «разрядка».

Для того чтобы понять этот вопрос, я разрешу себе сделать маленький исторический обзор — истории подобных отношений, которые назывались в разные периоды то торговлей, то стабилизацией положения, то признанием реальности, то вот разрядкой. Эти отношения имеют историю по крайней мере сорок лет. Я хочу напомнить вам, с какой системой они начались. Вот с какой. Это была система, которая:

- пришла к власти путем вооружённого переворота;

- разогнала Учредительное Собрание;

- капитулировала перед Германией — общим тогда противником;

- ввела бессудную расправу, ЧК, расправу без всякого суда;

- давила рабочие забастовки;

- невыносимо грабила деревню до мужицких восстаний, а когда происходили мужицкие восстания — давила их кроваво;

- разгромила Церковь;

- довела до бездны голода двадцать губерний страны.

Это — знаменитый Волжский голод 1921-го го-

да. Очень типичный коммунистический приём: добиваться власти, мало считаясь с тем, что падают производительные силы, что не засеваются поля, что стоят заводы, что страна опускается в голод, в нищету, — а когда наступает голод и нищета, то просить гуманистический мир помочь накормить эту страну. Мы сегодня видим так в Северном Вьетнаме, вот уже в Португалии к тому идёт, и так же было в России в 1921-ом году. Когда трёхлетней гражданской войной, начатой коммунистами (это был лозунг коммунистов — «гражданская война», это была цель Ленина — гражданская война, читайте Ленина — это была его задача и лозунг), когда разорили Россию гражданской войной, а попросили Америку: — «Америка, накорми наших голодных!» — и действительно, — щедрая, великодушная Америка накормила наших голодных. Была создана так называемая АРА — Американская Администрация Помощи, её возглавил тогда будущий... теперь уже покойный ваш президент Гувер. И, действительно, много миллионов русских жизней спасла эта ваша организация. Но какую благодарность вы получили? В СССР не только постарались из народной памяти изгладить всё это, почти невозможно теперь в советской печати найти воспоминания, что была такая АРА. Но стали обвинять, что это была хитрая шпионская организация, мол это был хит-

рый замысел американского империализма, чтобы опутать Россию шпионской сетью.

Я повторяю, продолжаю:

— это была система, которая ввела первые в мире концентрационные лагеря;

— это была система, которая в XX веке первая ввела систему заложников, т. е. брать не того, кого преследуют, а брать его семью или просто брать приблизительно кого-нибудь и расстреливать их.

Эта система заложников и преследования семей существует и сегодня, она и сегодня является самым сильным орудием преследования. Потому что самые смелые люди, которые не боятся за себя, могут дрогнуть от угрозы своей семье.

— это была система, которая первая ввела, до Гитлера, задолго до Гитлера, фальшивые объявления о регистрации, т. е. вот такие-то, такие-то должны явиться на регистрацию. Они приходят регистрироваться, а их уводят на уничтожение. У нас тогда не было, по технике, газовых камер, у нас применялись баржи, а баржи набивали по сотне, по тысяче людей и топили их;

— это была система, которая обманула трудящихся во всех своих декретах: декрете о земле, декрете о мире, декрете о заводах, декрете о свободе печати;

— это была система, которая уничтожила все остальные партии.

Я прошу вас понять: она уничтожила не просто партии, не распустила их, но **членов** уничтожила, **всех членов партий** уничтожила других, вот так она их уничтожила;

— это была система, которая провела геноцид крестьянства: пятнадцать миллионов крестьян было отослано на уничтожение;

— система, которая ввела крепостное право, так называемый «паспортный режим»;

— это была система, которая в мирное время на Украине искусственно вызвала голод. Шесть миллионов человек умерло от голода на Украине в 32-ом - 33-ем году на самом краю Европы. В Европе умерло, и Европа не заметила, и мир не заметил... **шесть миллионов человек!**

Я мог бы продолжать это перечисление, однако, я должен остановиться. Я останавливаюсь, потому что я дошёл до 1933 года. Это был тот самый год, вот со всем этим итогом, со всем, что я перечислил, когда ваш президент Рузвельт и ваш конгресс сочли эту систему достойной дипломатического признания, дружбы и помощи. Я напому, что великий Вашингтон не согласился на признание

французского Конвента из-за его зверств. Я напомню, что и в 1933 году в вашей стране раздавались голоса, возражающие против признания Советского Союза. Однако, признание состоялось, и тем было положено начало и дружбе, и, вскоре, военному союзу.

Вспомним, что в 1904 году США, американская пресса ликовала японским победам и все желали поражения России за то, что Россия консервативная страна. Напомню, что в 1914 году раздавались упрёки Франции и Англии, как могли они вступить в союз с такой консервативной страной как Россия.

Размеры и направление моей речи сегодня не разрешают мне что-либо еще говорить о прошлой России. Я только скажу, что информация о дореволюционной России получена Западом из рук или недостаточно компетентных или недостаточно добросовестных. И я только приведу для сравнения ряд цифр, которые вы можете прочесть в «Архипелаге ГУЛаге», том первый, который уже есть в Америке и может быть, многие читали. Вот эти цифры. По подсчётам специалистов, по самой точной объективной статистике, в дореволюционной России, за 80 лет до революции, — это были годы революционного движения, покушения на царя, убийства царя, революции, — за эти годы было казнено по 17 человек в год. 17 человек в год. Зна-

менитая инквизиция, в расцвет своих казней, в те десятилетия, уничтожала по 10 человек в месяц. Я в «Архипелаге» цитирую книгу, изданную самой ЧК в 1920 году. За 1918 и 1919 год они с гордостью отчитываются о своей революционной работе. Они извиняются, что данные у них не совсем полные, но вот они: в 1918 и 1919 годах ЧК расстреливало без суда **больше тысячи человек в месяц!** Это писало само ЧК, когда оно еще не понимало, как это будет выглядеть в истории. А в расцвет сталинского террора в 1937-38 году, если мы разделим число расстрелянных на число месяцев, мы получим **более 40.000 расстрелянных в месяц!!!** Вот эти цифры: 17 человек в год, 10 человек в месяц, больше 1000 в месяц и более 40 тысяч в месяц! Вот такросло то, что делало трудным для демократического Запада союз с той Россией.

И с этой страной, с этим Советским Союзом в 1941 году **вся объединённая демократия мира:** Англия, Франция, Соединённые Штаты, Канада, Австралия и другие мелкие страны вступили в военный союз.

Как это объяснить? Как можно это понять?..

Здесь можно выдвинуть несколько объяснений. Я думаю, первое объяснение можно сделать такое: что, значит, **вся соединённая демократия Земли оказалась слабой против одной Германии Гитлера.**

Если это так, то это страшный знак. Это ужасное предзнаменование для сегодняшнего дня. Если все эти страны вместе не могли справиться с маленькой Германией Гитлера, что же они будут делать теперь, когда больше половины Земного шара залито тоталитаризмом?

Я не хочу признать этого объяснения. Но, может быть, тогда второе объяснение: что это просто была паника, страх государственных деятелей? Они просто не имели веры в себя, они просто не имели силы духа, и в этой растерянности пошли на союз с советским тоталитаризмом? Тоже не лестно для Запада. Или, наконец, третье объяснение: что это был замысел, демократия не хотела защищаться сама, она хотела защититься руками другого тоталитаризма, советского. Я не говорю сейчас о нравственной оценке этого, об этом — позже. Но в плоскости простого расчёта, какая это недалёкость! какой это глубокий самообман! У нас есть такая русская пословица: «Волка на собак в помощь не зови»: если собаки на тебя напали и рвут — бей собак! Бей собак, а волка не зови! (аплод.). Потому что когда придут волки, они собак слопают или прогонят, но они съедят и тебя.

Мировая демократия могла разбить один тоталитаризм за другим — и германский и советский. Вместо этого она укрепила советский тоталитаризм

и позволила родиться третьему тоталитаризму — китайскому. И вот это всё развилось в сегодняшнюю мировую ситуацию.

Рузвельт в Тегеране в одном из последних своих тостов так и произнёс: «Я не сомневаюсь, что мы трое, т. е. Рузвельт, Черчилль и Сталин, мы ведём свои народы в согласии с их желаниями и с их целями...». Как это объяснить? — пусть занимаются этим историки. Мы тогда слушали и поражались. Мы думали, что вот мы дойдём до Европы, мы встретимся с американцами и мы им расскажем. Я был в тех войсках, которые прямо шли на Эльбу. Еще немного и я должен был быть на Эльбе и пожать руку вашим американским солдатам. Меня взяли незадолго до этого в тюрьму. Тогда встреча не состоялась. Вот теперь, с таким большим опозданием, опять той же самой рукой меня бросили сюда. И я пришел сейчас сюда, вместо той встречи на Эльбе (аплод.), с опозданием в 30 лет... Для меня сегодня здесь — Эльба... чтоб сказать вам сегодня, как друг Америки, сказать то, что мы, как друзья Америки, хотели сказать тогда, но что и нашим солдатам помешали, впрочем, сказать на Эльбе.

Есть еще одна пословица русская: Недруг поддакивает, а друг спорит. Именно потому, что я друг Америки, именно потому, что дружеские чувства вызывают эту речь (аплод.), я и пришел сказать

вам: Друзья мои, я не буду говорить сладких слов. Положение в мире не просто опасное, положение в мире не просто угрожающее, положение в мире ка-та-стро-фическое (аплод.).

Произошло нечто непонятное простому человеческому уму. Во всяком случае мы там, мы там, бессильные, средние советские люди, мы не могли понять год за годом и десятилетие за десятилетием, — что происходит? Как это объяснить? — Англия, Франция, Соединённые Штаты — державы-победительницы во Второй мировой войне. Всегда державы-победительницы диктуют мир. Они устанавливают такое существование, которое соответствует их философии, их представлениям о свободе, их представлениям о национальных интересах. Вместо этого, начиная с Ялты, ваши государственные руководители Запада необъяснимым образом подписывали капитуляцию за капитуляцией... никогда Запад и ваш президент Рузвельт не поставили никаких условий Советскому Союзу в получении помощи... и неограниченно помогали, а затем неограниченно уступали. Уже, в Ялте, безо всякой необходимости, были молчаливо признаны оккупация Монголии, Молдавии, Эстонии, Латвии и Литвы. Вслед затем, почти не было сделано ничего для защиты Восточной Европы, и отдали ещё 7-8 стран Восточной Европы.

Сталин потребовал выдать ему тех советских граждан, которые не хотят возвращаться на Родину. И западные страны отдали полтора миллиона человек. Как отдали? Они схватили их силой... английские солдаты убивали русских, которые не хотели идти в плен к Сталину, и силой толкали их к Сталину на уничтожение. Теперь это стало известно, но вот совсем недавно, вот несколько лет назад. Полтора миллиона человек!

Как могла это сделать демократия Запада?.. И вслед за тем, все остальные 30 лет, — это годы постоянных отступлений и отдачи страны за страной. До того, что теперь уже и в Африке, есть советские сателлиты, и почти вся Азия уже захвачена, и вот катится в пропасть Португалия. За 30 лет тоталитаризму отдано больше, чем когда-либо, когда-либо в мировой истории, в какой-либо войне отдавала страна, потерпевшая поражение.

Войны не было, но она как бы вот произошла. Мы, на Востоке долго этого не могли понять. Мы не могли понять хлипкости этого перемирия, заключённого в Вьетнаме. То есть, всякий средний советский человек понимал, что это такое хитрое устройство, которое даёт возможность Северному Вьетнаму взять Южный, в тот любой день, когда он захочет. И вдруг это премируется нобелевской премией мира. Трагическая и ироническая премия

(аплод.). Это очень опасное ощущение, которое может возникнуть при таком тридцатилетнем отступлении.

Уже создается такое мирочувствие, — «как бы поскорее уступить», поскорее бы отдать, и как-нибудь наступило бы замирение, как-нибудь наступил бы покой. Так и писали сейчас многие газеты на Западе: скорее бы кончалось кровопролитие во Вьетнаме и наступило бы национальное единение. (У берлинской стены они не вспоминают национальное единение). А одна из ваших ведущих газет после конца Вьетнама на целую страницу дала заголовков: «Благословенная тишина». Врагу не пожелал бы я такой благословенной тишины! Врагу не пожелал бы я такого национального единения (аплод.). Я провёл 11 лет на Архипелаге, я изучал полжизни этот вопрос. И я могу, глядя издали на эту страшную вьетнамскую трагедию, сказать: миллион человек будет просто уничтожен, а 4 - 5 миллионов, по масштабам Вьетнама, сядут в концентрационные лагеря и будут восстанавливать Вьетнам. А что происходит в Камбодже, вы уже знаете. Геноцид. Полное уничтожение, но в новой форме. Опять газовых камер не хватает, потому что техника недостаточна. И поэтому просто, в несколько часов, поднимают столицу, провинившийся столич-

ный город, и выгоняют его — стариков, детей, женщин, без вещей, без еды: иди и умирай!

Это очень опасное мироощущение, когда начинает вкрадываться такое чувство: «Ну, отдайте»! Мы уже сейчас слышим голоса на Западе и в вашей стране: «Отдайте Корею, отдайте Корею и будем жить тихо». Отдайте Португалию, конечно. Отдайте Японию. Отдайте Израиль. Отдайте Тайвань, Филиппины, Тайланд, Малайзию, отдайте еще десять африканских стран, дайте только нам возможность спокойно жить. Дайте возможность нам ездить в наших широких автомобилях по нашим прекрасным автомобильным дорогам. Дайте возможность нам спокойно играть в теннис и гольф. Дайте спокойно нам смешивать коктейли, как мы привыкли. Дайте нам видеть на каждой странице журнала улыбку с распахнутыми зубами и с бокалом (аплод.).

Но вот еще как повернулось: сейчас на Западе это всё обернулось обвинением против Соединённых Штатов Америки.

Сейчас на Западе раздаётся очень много голосов, которые говорят: «Вот, Америка, — твоя вина!» Я должен решительно здесь сегодня защитить Америку от этих обвинений! Я должен сказать, что С. Ш. Америки изо всех стран Запада — меньше всего виноваты в этом и больше всего сделали для

того, чтобы не было так. Америка помогла выиграть Европе первую и вторую мировые войны, Америка подняла Европу из двух послевоенных разорений, пятнадцать — двадцать — двадцать пять лет подряд она стояла щитом, защищая Европу, в то время как европейские страны считали пятаки: как бы не оплачивать своей армии — а лучше вовсе её не иметь, как бы не оплачивать вооружения, как бы уйти из НАТО, зная, что все равно Америка защитит. Эти страны с тысячелетней цивилизацией и культурой — это от них началось, хотя на том материке им там ближе, им там можно лучше разобратся.

Я вот приехал на ваш континент, я вот уже два месяца путешествую по его просторам. Я согласен — здесь нужны душевные усилия, чтобы понять остроту мирового положения. Соединённые Штаты Америки давно проявили себя как самая великодушная и самая щедрая страна в мире. Где бы ни произошло наводнение, землетрясение, пожар, стихийное бедствие, болезнь, — кто помогает первый? — Соединённые Штаты. Кто помогает больше всех и бескорыстно? Соединённые Штаты (аплод.). И что мы слышим в ответ? — упреки, проклятья: «американцы, убирайтесь вон», жгут американские культурные центры, и представители «третьих стран» в Организации Объединённых Наций вска-

кивают на столы, чтобы голосовать против Америки.

Однако, всё это не снимает тяжести с плеч Америки. Ход истории, хотите вы или не хотите, но ход истории сам привёл вас — сделал вас мировыми руководителями. Вашей стране уже нельзя думать провинциально, вашим политическим деятелям уже нельзя думать только о своем штате, о своей партии, о мелких ситуациях, которые приведут его или не приведут к государственному посту. Вам приходится думать обо всём мире. И когда наступит новый политический мировой кризис, — а я считаю, что вот очень острый закончился, а следующий может наступить в любой момент, — все равно, главные решения лягут на плечи Америки, на плечи Соединенных Штатов.

И вот я, уже находясь здесь, слышу некоторые объяснения ситуации, я разрешу себе процитировать то, что я слышал здесь.

«Нельзя защищать тех, у кого не хватает воли к обороне». Я согласен. Но это сказано по поводу Южного Вьетнама, так в половине сегодняшней Европы и трех четвертях сегодняшнего мира воля к обороне еще меньше, чем была в Южном Вьетнаме.

Нам говорят: «нельзя защищать тех, кто не может обороняться собственными людскими ресур-

сами». А против превосходных сил тоталитаризма, когда он набрасывается весь — и никто не может защититься собственными ресурсами — никто; и например Япония совсем не имеет армии.

Нам говорят: «Нельзя защищать тех, у кого нет полной демократии». Вот это самое замечательное, это самая основная мелодия, которую я вижу в ваших газетах и слышу в выступлениях некоторых ваших политических деятелей. А кто в мире когда-нибудь на переднем крае тоталитаризма удержался с полной демократией? **Вы**, — соединённая демократия мира, не удержались! Америка, Англия, Франция, Канада, Австралия вместе — не удержались! При первой опасности гитлеризма — протянули руку Сталину. Это называется удержаться в демократии? Нет! (аплод.). И так еще говорят: (этих выступлений много было подряд) «Если Советский Союз будет использовать разрядку в своих интересах — ну тогда мы...». А что тогда? Советский Союз использовал разрядку в своих интересах, использует и будет использовать! Вот, например, они с Китаем вместе усиленно участвуют в разрядке, а пока взяли три страны. Пока, незаметно, три страны Индокитая взяли. Ну правда, можно ожидать, что в утешение Китай пришлёт пинг-понговскую команду (смех). А Советский Союз прислал лётчи-

ков, которые когда-то перелетали Северный Полюс. И вот на днях вместе с вашими в космос.

Типичный спектакль, я отлично помню тот год — это 1937-й год — июнь тридцать седьмого года, когда Чкалов, Байдуков и Беляков героически перелетели Северный Полюс и спустились в штате Вашингтон. Это был тот год и тот месяц, когда Сталин расстреливал больше сорока тысяч человек в месяц!.. Сталин знал, что делал. Он послал летчиков и вызвал у вас доверчивое ликование: дружба двух стран через Северный Полюс! Герои, — другого не скажешь — герои. Но это был спектакль, чтобы отвлечь вас от событий тридцать седьмого года. А, простите, какой сейчас юбилей? Сколько лет прошло? Тридцать восемь. Разве это юбилей? Нет, просто надо закрыть Вьетнам. Надо замазать Вьетнам. И вот послали снова лётчиков. Открыли памятник Чкалову в штате Вашингтон. Чкалов герой и достоин памятника. Но для истинной картины надо было позади памятника поставить стену и на ней показать барельеф тех расстрелов или тех черепов и костей (аплод.).

Еще так нам говорят (простите, что я много цитат привожу, но их гораздо больше звучит в вашей прессе и по радио): «Мы не можем игнорировать, что Северный Вьетнам и красные кхмеры попрали соглашение. Но мы готовы смотреть в будущее».

То есть, что это значит? Значит, пусть уничтожают людей, но если вот эти насильники, вот эти убийцы, вот эти палачи предложат нам разрядку, мы с удовольствием будем с ними разряжаться. Ну так, как Вилли Брандт сказал как-то: «Я бы и со Сталиным пошел на разрядку». То есть в то время, когда Сталин уничтожал по сорок тысяч в месяц, — Брандт охотно бы пошел с ним на разрядку! Смотреть в будущее! — так смотрели в будущее и в 1933-м и в 1941-м. Но смотрели плохо. Так смотрели в будущее два года назад, когда заключали нелепое, непонятное, негарантированное перемирие во Вьетнаме. И плохо смотрели. Так торопились с этим перемирием, что пропустили освободить из плена всех собственных американцев. Так торопились скорее подписать этот документ, что там каких-то тысячи три американцев — ну нет, и нет, и без них обойдемся. Как это делается? Как это может быть? Ну часть из них, действительно, бывает в войне, — без вести пропавшие. Но вожди Северного Вьетнама и сами признают, что часть содержится там у них — содержится. И что же, они отдают ваших соотечественников? Нет, они их не отдают и ставят всё время условия. То они ставили условия: пусть Тхеу уйдет от власти, теперь они ставят условия: пусть Соединённые Штаты восста-

новят нам Вьетнам. А то, мол, очень трудно нам разобраться — найти этих людей.

Если правительству Северного Вьетнама трудно объяснить вам, что произошло с вашими братьями, с вашими американскими военнопленными не возвращёнными и по сегодня, то я, на основе опыта «Архипелага», могу вам совершенно ясно это объяснить. Есть такой закон на «Архипелаге», что те, кому достаётся труднее всего и которые стоят наиболее стойко, самые честные, самые мужественные, самые непреклонные — они никогда больше не увидят света, их уже никогда нельзя показать, потому что они расскажут такое, что не умещается в голову. Часть ваших военнопленных вернувшихся рассказывали вам, что их пытали. Это значит, что тех, кто остался, пытали больше. Но они не уступили ни на шаг. Это — лучшие ваши люди. Это — ваши первые герои, которые в одиноком поединке устояли (аплод.). И сейчас... сейчас к сожалению они не могут ободриться нашими аплодисментами. Они не могут их услышать в своих одиночных камерах, где могут умереть, а могут сидеть тридцать лет, как сидит Рауль Валленберг — если знаете, шведский дипломат, захваченный Советским Союзом в 1945-м году. Вот, тридцать лет сидит и его не отдают.

А находились у вас при этом истерические дея-

тели, которые говорили: «Я поеду в Северный Вьетнам, стану на колени и на коленях буду умолять отпустить наших военнопленных». Это уже не политическое поведение — это мазохизм (аплод.). Для того, чтобы понять хорошо, что значила разрядка все эти сорок лет, дружба, стабилизация положения, торговля, я должен вам сказать то, чего вы никогда не видите и не слышите. Оттуда, с нашей стороны, сказать как это выглядело. А выглядело это вот как: только знакомство с американцем, не дай Бог, ты пошел с ним, сел в кафе или в ресторан, — уже «подозрение в шпионаже», десять лет. Я рассказываю в «Архипелаге», том первый, случай, который не какой-нибудь арестант мне рассказал, но все члены Верховного Суда СССР, в те короткие дни, когда я был при Хрущёве возвышен, и они мне рассказали этот случай: один советский гражданин был в Соединённых Штатах и возвратясь сказал: «В Соединённых Штатах отличные автомобильные дороги». КГБ арестовало его и потребовало десяти лет. А судья сказал: я не возражаю, но все-таки мало материала, надо бы добавить еще что-нибудь. Судью этого сослали на Сахалин за то, что он смел спорить, а тому человеку дали десять лет. Вы подумайте, какую «ложь» он сказал и какое «восхваление» американского империализма; в

Америке хорошие автомобильные дороги! Десять лет.

В 1945-46 году, через наши камеры тюремные проходило множество людей, не тех, которые сотрудничали с Гитлером, хотя были такие, не тех, кто в чём-то был виноват, а тем, которые всего на всего — побывали на Западе и были освобождены из немецкого плена американцами. Вот это считалось криминалом: освобождён американцами. Это значит: он видел хорошую светлую жизнь. Если он придет, он будет рассказывать. Самое страшное не то, что он сделал, а что он будет рассказывать, и все такие получали десять лет.

В последний визит Никсона в Москву ваши американские корреспонденты давали такой репортаж на западный лад: репортаж с московских улиц. «Вот я, мол, иду с микрофоном по улице и спрашиваю простых советских людей: скажите, пожалуйста, что вы думаете о встрече Никсон-Брежнев?» И, удивительно, все до одного отвечали: «великолепно, я очень доволен, я в восторге!». Что это? Как это понять? Да если я иду по улице, и ко мне подходит американец с микрофоном и спрашивает, то я знаю, что с другого боку идёт кагебист тоже с микрофоном, и он прекрасно запишет, что я скажу. Я скажу — и сейчас буду в тюрьме. И я отвечаю: «да, да великолепно, я ничего лучшего не видел»

(аплод.). Ну чего же стоят такие корреспонденты, если они просто переносят ваш западный приём, не продумавши, переносят туда?

Вы лендлизом помогали нам многие годы — у нас сделано всё, чтобы забыть его, затереть, по возможности не вспоминать. А сейчас, до того как пришёл я в этот зал, я отчасти и оттягивал свой приезд в Вашингтон, чтобы прежде посмотреть немного простую Америку, побывать в нескольких штатах, просто поговорить с людьми. Мне рассказали, я впервые узнал, что по всем штатам в годы войны Общество советско-американской дружбы собирало помощь советским людям: тёплые вещи, продукты, подарки, — и посылало. А мы не только не видели их, мы не только их не получали — их распределили там где-то в привилегированных кругах, — но нам никто никогда об этом не говорил. Я это узнал сейчас, здесь у вас в штатах, вот в этот месяц.

Всё, что можно сказать ядовитого об Америке, — было сказано еще в сталинское время, и всё это лежит тяжелым осадком, и всё это можно пробудить в любой день. В любой день газеты могут выйти с заголовками: «Кровавый американский империализм хочет захватить мир» и весь этот яд поднимется, и множество людей у нас поверят и

будут считать вас агрессорами. Вот так велась разрядка с нашей стороны.

Советская система так закрыта, что её почти невозможно понять отсюда. И ваши самые учёные теоретики пишут научные труды, пытаются объяснить и понять, что происходит там, и вот несколько таких наивных объяснений, которые нам, советским людям, просто смешны. То говорят, советские вожди отказались теперь от своей человеконенавистнической идеологии. Нисколько. Нисколько от неё не отказались. То говорят — в Кремле есть «левые» и «правые» и там идет борьба, и мы должны себя так вести, чтобы не помешать «левым». Все это фантазия: левые... правые... Ну есть там какая-то борьба за власть — но в основном они все за одно. Или еще есть такая теория, что теперь благодаря росту техники растёт технократия в Советском Союзе, растёт инженерия — инженеры теперь правят хозяйством, и вот скоро они будут определять судьбу, а не партия. Скажу вам — инженеры столько же будут определять судьбу, сколько наши генералы — судьбу армии, то есть — ноль. Все будут делать так, как скажет партия.

Вот наша система, судите сами. Это система, где сорок лет не было настоящих выборов, но идёт спектакль, комедия. Стало быть система, где нет законодательных органов. Это система, где нет не-

зависимой прессы, система, где нет независимых судебных органов, где народ не имеет никакого влияния ни на внешнюю, ни на внутреннюю политику; где подавляется всякая мысль не такая, как государственная. И, кстати, электронное подслушивание — это у нас такая простая вещь, это у нас быт. У вас произошёл один случай электронного подслушивания, и всю страну трясло полтора года. А у нас это быт. Это почти в каждой квартире, в каждом учреждении, мы к этому привыкли — нас это даже не удивляет.

Это система, где разоблачённые палачи миллионов, как Молотов и более мелкие, никогда не судимы и теперь на высоких пенсиях в высочайшем благополучии. Это система, где сегодня продолжается спектакль, и каждого иностранца, чтобы ему показать страну, обставляют несколькими подставленными советскими людьми, работающими по сценарию. Это система, где собственная конституция не выполнялась ни одного дня, где все решения зреют в какой-то тайне, в какой-то безответственной кучке и оттуда ударяют как молния, по нас и по вас. И чего же стоят подписи этих людей? Как же можно, как можно положиться на их подписи в документах разрядки? Вы сейчас можете спросить своих специалистов, они говорят, что вот даже в последние годы Советский Союз сумел со-

здать и превосходящее химическое оружие и ракеты более совершенные, чем в Соединённых Штатах.

Так что же из этого всего? Разрядка — нужна или нет? Не только нужна. Она нужна как воздух! Это единственное спасение Земли, чтобы вместо мировой войны произошла разрядка. Но разрядка истинная и если ее уже испортили плохим словом, которое у нас разрядка, а у вас детант, так может быть надо найти другое слово. Я бы сказал, что очень мало признаков, главных признаков можно назвать для такой истинной разрядки. Я бы сказал, что почти достаточно трёх главных признаков: Первый признак: чтобы разоружиться не только от войны, но и от насилия, чтоб не осталось аппарата не только войны, но и насилия, то есть не только того оружия, которым уничтожают соседей, но и того оружия, которым давят соотечественников (аплод.). Это не разрядка, если мы сегодня здесь с вами можем приятно проводить время, а там стонут люди и погибают, и в психиатрических домах вечерний обход, и третий раз в день колют лекарство, разрушающее мозг и человека. А второй признак разрядки я бы назвал такой: чтоб это было не на улыбках поставлено, не на словесных уступках, чтоб это стояло на камне. Это евангельское слово всем известно: «Не на песке надо строить — на камне». То есть должны быть гарантии того,

что это не оборвется в одну ночь или в один рас- свет (аплод.), а для этого нужно, чтобы там, вто- рая сторона, которая входит в разрядку, имела над собой контроль: контроль общественности, кон- троль прессы, контроль свободного парламента. А пока такого контроля нет — нет гарантии (аплод.). А третье простое условие: какая же это разрядка, если вести человеконенавистническую пропаганду — то, что в Советском Союзе гордо называют идеологической войной? Нет уж — дружить так дружить, разрядка так разрядка! Идеологическую войну надо кончить!

Советский Союз и коммунистические страны умеют вести переговоры. Они знают, как это де- лается. Долго-долго ни в чём не уступать, а потом немножечко уступить. И сразу раздаётся ликова- ние: они уступают, пора подписывать договор! Вот европейские переговоры тридцати пяти стран. Два года мучительно, мучительно вели переговоры, тя- нули нервы и уступили: некоторые женщины из коммунистических стран теперь могут выходить замуж за иностранцев и некоторым журналистам теперь будет позволено кое-где немножко поез- дить. Дают одну тысячную долю естественного права, которое вообще должно быть с самого на- чала вне переговоров, — и уже радость, и уже мы на Западе слышим много голосов: они уступают,

пора подписывать! За эти два года, пока велись переговоры, во всех странах Восточной Европы давление усилилось, репрессии усилились даже в Югославии, в Румынии, не говоря уже об остальных. И именно сейчас канцлер Австрии говорит: «надо скорее, пришла пора подписать вот это соглашение». Что это такое, это соглашение? Предлагаемое соглашение сегодня — это **похороны Восточной Европы**. Это значит, Западная Европа подписывается окончательно, что она совершенно согласна, что Восточную Европу будут и дальше подавлять. только пожалуйста не трогайте нас. И канцлер Австрии думает, что если засыпят братскую могилу над Восточной Европой, то Австрия на самом краю могилы уцелеет и не сползёт туда же. А мы изо всей нашей жизни там вывели, что только есть одно, чем можно устоять против насилия: это твёрдость!

Надо понимать природу коммунизма. Сама идеология коммунизма, всё ленинское воспитание таково, что оно считает дурачком того, кто не берет того, что лежит. Если можно взять — бери, если можно наступать — наступай, а вот если стена — отступи. И коммунистические правители уважают только твёрдость и презирают и смеются над теми, кто им всё время уступает. У вас говорят сейчас, — вот последняя цитата, которую я приведу из высказываний ваших государственных деятелей:

«Мощь без попытки к примирению ведет к мировому конфликту». Скажу: а мощь с непрерывным угождением — вообще не мощь! (аплод.).

А из нашего опыта я вам скажу: только твердость даёт возможность устоять против наступления коммунистического тоталитаризма. Мы видим много исторических примеров тому. Вот несколько. Маленькая Финляндия устояла в 1939 году собственными силами. Вы отстояли Берлин в 1948 только твёрдостью — не было мирового конфликта! Вы отстояли Корею в пятидесятом году — только твёрдостью — и не было мирового конфликта. Вы заставили снять ракеты с Кубы в шестьдесят втором году — только твёрдостью, — и не было мирового конфликта. И покойный Аденауэр вел переговоры с Хрущёвым твёрдо, и он начал с Хрущёвым настоящую разрядку. Хрущёв начал уступать и, если бы его не сняли, в ту зиму он собирался ехать в Германию и продолжать истинную разрядку.

Я напомним вам и слабость такого человека, чья фамилия редко сочетается с слабостью. Слабость Ленина. Ленин, придя к власти, панически отдавал Германии всё, что только та хотела. Просто — что хотела. Германия взяла, сколько хотела, сказала — Армению отдать Турции — пожалуйста. Почти неизвестно, — но Ленин просил ходатайства перед кайзеровским правительством Германии, чтобы оно

уговорило правительство Украины и разрешило коммунистам как-то границу провести от Украины. Не было разговора — захватывать Украину, но только как-нибудь, чтобы границу-то свою провести.

Мы, мы, инакомыслящие в СССР, мы не имеем ни танков, ни оружия, ни организации — мы ничего не имеем, руки наши пусты. У нас есть только сердце и то, что мы выдержали за полвека в этой системе. И когда мы нашли в себе стойкость стать и стоять, то мы и устояли. И если я сегодня здесь.. (аплод.). Мы устояли только твёрдостью духа. И если я сегодня здесь стою перед вами, то не по милости коммунизма, не по доброте коммунизма, не благодаря разрядке, но благодаря своей твёрдости и вашей твёрдой поддержке (аплод.). Они знали, что я не уступлю ни на палец, ни на волос, и где взять нечего — отступили. И это не легко. В наших условиях это воспиталось от тяжести жизни. Это и в каждом бы из вас воспиталось, если бы вы попали в такую тяжелую жизнь. Я не хочу здесь называть сегодня много имён, но вот Буковский, Владимир Буковский, чье имя уже почти забыли (аплод.). Я почему не хочу называть много имён?.. — потому что сколько ни назови, больше остаётся, и когда мы решаем вопрос с двумя-тремя, мы как бы забываем и предаём остальных. Надо помнить цифры. У нас десятки тысяч политзаключённых и,

по подсчету английских специалистов, **семь тысяч человек** в **принудительном психиатрическом лечении**. Так вот Владимир Буковский: Буковскому предложили — ладно, освободайся, убирайся на Запад и замолчи. И этот мальчик, молодой человек, который при смерти, сказал: нет, я так не поеду. Я писал о тех, кого вы посадили в психиатрические дома, освободите их, тогда и я поеду на Запад. Вот та сила, та стойкость, которая стоит против камня и против танков! И нам с вами в оценке всего, о чем я сегодня здесь говорил, можно было бы и не вести разговоров в этой вот плоскости деловых расчётов, то есть — почему та или иная страна поступала так? Как эти расчёты велись? Нам можно было подняться на нравственную высоту и сказать в 1933 и в 1941 году — ваше руководство и весь Запад не принципиально, беспринципно пошли на сделку с тоталитаризмом. Это даром не проходит. Это когда-нибудь отзовется. Вот оно 30 лет отзывалось и еще отзовется, и еще страшнее отзовется! Нельзя мыслить только в низкой плоскости политического расчёта. Надо думать и о том, что благородно, что честно, а не только что выгодно. Изворотливые западные юристы сейчас ввели такой термин «юридического реализма». Этим юридическим реализмом они хотят заслонить нравственные оценки. Мол, надо признать реальность,

надо понять, что если установились какие-то законы в тех странах насилия, эти законы тоже надо признать и уважать. Среди юристов сейчас широко распространено такое понятие, что право — выше нравственности. Право — это такое отточенное, а нравственность это, мол что-то неопределённое, Нет, как раз наоборот! Нравственность — выше права! (аплод.)... А право — это наша попытка человеческая как-то записать в законах часть этой нравственной сферы, которая над нами, выше нас. Мы пытаемся понять эту нравственность, свести её на землю и представить в виде законов. Иногда это удаётся лучше, иногда удаётся хуже, иногда получается карикатура на нравственность, но нравственность всегда выше права. И этой точки зрения нельзя покинуть. Надо душой и сердцем это признать. В сегодняшней жизни, в двадцатом веке стало почти смешно говорить «добро» и «зло». Это стали почти какие-то старомодные понятия. А это очень реальные понятия, понятия высшей сферы над нами — добро и зло... (аплод.). И вместо того, чтобы вести низкие, мелкие и недалёкие политические расчёты и игры, надо отдать себе отчёт: вот концентрируется Мировое Зло, огромной ненависти и силы. Оно растекается по земле, и надо стать **против** него, а не спешить подавать ему, подавать ему всё, что оно хочет съесть... (аплод.). Сегодня

в мире происходят два важнейших процесса. Один процесс тот, о котором я сказал, — вот он идёт уже более тридцати лет. Это процесс близоруких уступок. Это процесс отдавать, отдавать, отдавать, и может быть когда-нибудь волк насытится. А второй процесс, который я считаю ключевым, — и я предсказываю, что он принесёт нам всем будущее... — это процесс тот, что под чугунной корой коммунизма, в Советском Союзе уже лет двадцать, а в других коммунистических странах меньше, — идёт освобождение человеческого духа, вырастают новые поколения, непоколебимые в борьбе со злом, которые не идут на беспринципные компромиссы, которые предпочитают потерять всё: заработок, всякие условия существования, саму жизнь, только не пожертвовать совестью, только не войти в сделку со злом (аплод.). Так вот — этот процесс зашёл так далеко, что в сегодняшнем Советском Союзе марксизм упал так низко, он скатился к анекдоту, он скатился в человеческое презрение. У нас уже просто никто мало-мальски серьёзный, и даже студенты и школьники, уже серьёзно, без улыбки, без насмешки о марксизме не говорят. Но весь этот процесс нашего освобождения, который, конечно, вызовет и общественные перемены, — этот процесс медленнее, чем тот, который... чем первый, чем процесс уступок. Нам там, когда мы наблюдаем за

этими уступками, нам странно. Зачем же так быстро зачем так стремительно, зачем уступают по несколько стран в один год? ... Я начал с того, что вы — союзники нашего освободительного движения в коммунистических странах. И я призываю вас: — давайте вместе думать и стараться, как нам урегулировать соотношение этих двух процессов. Всякий раз, когда вы помогаете нашим преследуемым, вы не только проявляете великодушие и благородство, вы защищаете не только их, но и самих себя, но и свое будущее... (аплод.). Но давайте попробуем, сколько можно — остановим безумный, бессмысленный и безнравственный процесс бесконечных уступок агрессору... этих ловких юридических изворотов, когда каждый раз находится аргумент: почему еще одну, еще одну, и еще одну страну надо отдать, отдать и отдать. Почему надо снова и снова подавать коммунистическому тоталитаризму технику — сложную, тонкую, то, что нужно ему для вооружения, для подавления своих граждан. Если мы сумеем задержать, хотя бы не остановить, но задержать этот процесс уступок и дать возможность продолжаться процессу освобождения в коммунистических странах, то эти два процесса, в конце концов, дадут нам наше будущее... (аплод.). «Внутренних дел» не осталось на нашей тесной планете... Коммунистические вожди говорят вам:

не вмешивайтесь в наши внутренние дела, дайте нам дышать спокойно... А я говорю вам: пожалуйста, побольше вмешивайтесь в наши внутренние дела... Мы просим вас — вмешивайтесь! (аплод.). — И так понимая свою задачу, я тоже сегодня, может быть, вмешался в ваши внутренние дела, или как то коснулся их, простите... (аплод.). Вот я уже много поездил по Америке. Это добавилось к моим прежним представлениям о ней, как я слушал о ней по всем радио, по рассказам людей, бывалых людей. Америка вызывает у меня, у моих друзей, у наших единомышленников там, у всех простых советских людей, — не у высокопоставленных, — вызывает соединённое чувство восхищения и сострадания. Восхищения — тем, что вы даже сами не знаете, сколько еще у вас будущего и сколько сил. Вы страна — будущего. Вы страна молодая. Страна неиспользованных еще даже возможностей. Страна великих просторов географических. Простора души. Щедрости. Великодушия. Но с этими качествами: силы, щедрости, и великодушия, — в человеке, в каждом, а вот и в целой стране, соединяется обычно — доверчивость. И ваша доверчивость уже послужила, уже несколько раз послужила вам плохую службу... И я, и я хотел бы признать, чтобы Америка проверяла эту свою доверчивость, и не дала возможность тем мудрецам, которые, играя в до-

стижения будто бы еще более тонкой справедливости, еще более юридических тонкостей равенства и каких-то оговорок, чтобы они — одни по искажённости кругозора, другие по близорукости, а кто по корысти, — чтобы под этим ложным видом борьбы за мир и за общественную справедливость, не повели бы вас, не завели бы вас на ложную дорогу; ибо они толкают ослабить, разоружить вашу прекрасную, сильную страну перед такой опасностью, перед такой грозной силой, какой не знала вся мировая история, не только ваша, американская, но вся мировая история. И я призываю вас: трудовая, простая Америка, — представленная сегодня здесь своим профсоюзным движением, — не дайте себя ослабить, не дайте завести себя в неверную сторону. Будем стараться замедлить процесс уступок и помочь процессу освобождения!.. (аплод.).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДЖОРДЖА МИНИ

Я позволю себе выразить, от вашего имени, глубокую нашу признательность нашему гостю сегодняшнего вечера, за его воодушевляющую речь, за мысли, оставленные нам в то время, когда, видит Бог, мир должен чаще думать о человеческой свободе. Мир должен думать чаще о тех, кто ежедневно теряет свободу.

Америка, мне кажется, должна готовиться ответить на этот вызов как лидер свободного мира. Если Америка не поведет за собой свободный мир, то тогда, боюсь, свободный мир останется без лидера.

РЕЧЬ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА
В НЬЮ-ЙОРКЕ, 9 ИЮЛЯ 1975
ПО ПРИГЛАШЕНИЮ АФТ-КПП

ВСТУПЛЕНИЕ ЛЕЙНА КЭРКЛАНДА, СЕКРЕТАРЯ-КАЗНАЧЕЯ АФТ-КПП

Принцип механики гласит, что при достаточно длинном рычаге один человек способен повернуть весь мир. А. Солженицын — живой пример этого принципа. Рычаг — его перо, досягаемость которого удесятворяется его умом, талантом, бесстрашием и неколебимой цельностью.

Он стремится повернуть мир, утопающий в безумии и трусости. Мир, где террор, убийство, угнетение приветствуются и восславляются в стекляннo-мраморных дворцах всеобщего согласия и справедливости, выстроенных после Второй мировой войны чрезмерно оптимистическим поколением.

Он стоит живым упрёком тем государственным деятелям и вождям, кто воздержание в самых насущных вопросах нравственности возводит до уровня высшей национальной политики, и кто считает ненужным подвергнуть испытанию добрую волю, милость и благорасположение самых смертельных врагов человечества.

Его творчество не служит ни политической

доктрине, ни политической моде, ни какой-либо проходящей конкретной задаче — оно посвящено самым основным ценностям: достоинству, справедливости, и свободе человека.

АФТ-КПП гордится тем, что имеет честь быть с ним заодно в этом деле. А мне выпала личная честь представить вам А. И. Солженицына.

Так всё-таки: возможно или невозможно передать опыт от тех, кто страдал, к тем, кому еще предстоит страдать? Так всё-таки: способна или неспособна одна часть человечества научиться на горьком опыте другой? Возможно или невозможно кого-нибудь предупредить об опасности?

Сколько было послано Западу свидетельств, за 60 лет сколько волн эмиграции, сколько миллионов людей! Они — все здесь, вы их встречаете, вы их отличаете, если не по душевной их потерянности, не по скорби их, не по тоске, вы их отличаете по их акценту, по внешнему виду, они не стоваривались, они из разных стран принесли вам один и тот же опыт и говорят о нём, предупреждают о том, что уже есть, что было. Но стоят гордые небоскребы, упёртые в небо, и говорят: у нас этого не будет, к нам это не придёт, у нас это невозможно.

Будет. Возможно. По пословице: «отведает сам, поверишь и нам».

Но неужели надо ждать того момента, когда нож подступит к горлу? Неужели нельзя заранее трезво оценить ту мировую опасность, которая хочет проглотить весь мир? Я — уже был проглочен. Я уже побывал в брюхе дракона, в красном горячем брюхе дракона. Он меня не переварил и отрыгнул. (аплодисменты). И я пришел к Вам свидетелем того, как там, в брюхе. Это удивительный феномен, что коммунизм сам о себе 125 лет открыто чёрным по белому пишет, и даже раньше он писал более откровенно, и в Коммунистическом манифесте, который все знают по названию и почти никто не даёт себе труда читать, — там даже более страшные вещи некоторые написаны, чем те, что осуществлены. Вот поразительно. Весь мир грамотный, все умеют читать, и всё-таки как будто не хотят понять. Человечество ведёт себя так, как будто оно не поняло, что такое коммунизм, не хочет понять, не способно понять.

Я думаю, здесь дело не только в маскировке коммунистов последние десятилетия, последние годы. Здесь дело в том, что суть коммунизма — совершенно за пределами человеческого понимания. По-настоящему нельзя поверить, чтобы люди так задумали — и так делают. Вот именно потому, что

она за пределами понимания, вероятно, поэтому так трудно коммунизм и понимается.

В моём прошлом выступлении в Вашингтоне я много говорил о государственной советской системе, как она создавалась и какая она есть. Но, может быть, гораздо важнее сказать о той идеологии, которая вдохновила эту систему, создала её и ведёт. Гораздо важнее понять суть этой идеологии и, самое главное, её преемственность, что она вовсе не изменилась за 125 лет. А какая родилась — такая и есть.

Ну, что марксизм — не наука, у нас в Советском Союзе среди интеллигентных людей ясно. Даже неудобно сказать, что марксизм есть наука. Уж не говоря о науках точного цикла — физико-математических, естественных, — даже социологические науки сегодняшнего века, они, если предсказывают какое-нибудь событие, то говорят, где его можно ожидать, в какие сроки, в каких формах, как событие может протекать. Коммунизм никогда не давал таких предсказаний. Никогда не говорилось: где, когда и что именно. Это всегда была декламация. Декламация о том, как мировой пролетариат свергнет мировую буржуазию и тотчас же наступит самое счастливое светлое общество, где, впрочем, обрывалась фантазия и Маркса, и Энгельса, и Ленина. Ни один из них дальше не описывал, что там

будет за общество. А просто: самое светлое, самое счастливое. Всё — для человека!

Лень перечислять все неудавшиеся предсказания марксизма. Ну, несколько из них: что положение рабочего класса при том строе, который существует сейчас на Западе, будет ухудшаться, ухудшаться, ухудшаться, дойдёт до полной нищеты и невыносимости. У нас бы там в стране так накормить, одеть рабочий класс, так снабдить его всем и дать ему столько досуга! Или знаменитое предсказание о том, что коммунистические перевороты все начнутся с передовых стран: Англия, Франция, Америка, Германия — вот здесь начнётся коммунизм. Ну, всё наоборот, вы видите: всё наоборот. Или предсказание о том, что социалистические государства и существовать не будут. Как только капитализм будет повержен, так сразу государство будет отмирать. Вы видите сегодня: где еще есть такие сильные государства, как в так называемых социалистических, коммунистических странах? Или предсказание о том, что войны присущи только капитализму. Только потому, мол, происходят войны, что капитализм. А как только наступит коммунизм, так все войны прекратятся. Мы уже достаточно видели это: в Будапеште, в Праге, на советско-китайской границе, при оккупации Прибалти-

ки, при ударе Польше в спину. Мы достаточно видели это и еще, наверное, достаточно увидим.

Коммунизм есть такая грубая попытка объяснить общество и человека, как если бы хирург взял топор мясника для своей тонкой операции. Всё, что есть тончайшего в психологии человека и в устройстве общества — еще более сложного организма — всё это сводится к грубому экономическому процессу. Всё это создание «человек» сводится к материи. Характерно, что коммунизм настолько лишён аргументов, что против своих оппонентов, вот в наших странах, в коммунистических, ему совершенно нечего противопоставить. Аргументов нет — а поэтому палка, тюрьма, концентрационный лагерь, психиатрический насильственный дом.

Марксизм был всегда против свободы. Вот я процитирую несколько слов отцов коммунизма — Маркса и Энгельса — из... я даю цитаты по первому советскому изданию 1929-30 года. Маркс и Энгельс: «Реформы — признак слабости» — том 23, стр. 339. «Демократия — страшнее монархии и аристократии» — том 2, стр. 369. «Политическая свобода — есть ложная свобода. Хуже, чем самое худшее рабство» — том 2, стр. 394. Маркс и Энгельс в своей переписке неоднократно говорят, что после прихода к власти несомненно нужен террор. Неоднократно они пишут: «придется повторить 1793

год. После прихода к власти нас станут считать чудовищами, на что нам, конечно, наплевать.» Том 25, стр. 187.

Коммунизм никогда не скрывал, что он отрицает всякие абсолютные понятия нравственности. Он смеётся над понятиями добра и зла как категорий несомненных. Коммунизм считает нравственность относительной, классовой. В зависимости от обстоятельств, от политической обстановки любой акт, в том числе и убийство, и убийство сотен тысяч людей, может быть плохо, а может быть — хорошо. Это — в зависимости от классовой идеологии. А кто определяет классовую идеологию? Весь класс не может собраться, чтоб сказать, хорошо это или плохо. Кучка людей определяет, что хорошо, что плохо. Но я должен сказать, что вот в этом направлении коммунизм успел больше всего. Он успел заразить весь мир этим представлением об относительности добра и зла. Сейчас этим захвачены далеко не только коммунисты. Сейчас считается в передовом обществе неудобным, неудобным употреблять серьёзно слова «добро» и «зло». Коммунизм сумел внушить нам всем, что это понятия старомодные и смешные. Но если у нас отнять понятия добра и зла, — что останется у нас? У нас останутся только жизненные комбинации. Мы опустимся в животный мир.

И теория, и практика коммунизма совершенно античеловечна поэтому. Существует такое слово, которое сейчас очень широко употребляется: «антикоммунизм». Это очень дурно, без вкуса составленное слово. Слово составлено так, будто бы коммунизм — есть нечто извечное, основное, основополагающее. Поэтому он является системой отсчёта. И по отношению к коммунизму определяется — антикоммунизм, антикоммунисты. Почему я говорю, что это слово плохо сконструировано, почему его составили люди, не понимающие этимологии языка: потому что исконным понятием, вечным понятием является — человечность. А коммунизм есть — античеловечность. Кто говорит «антикоммунист», тот говорит: анти-анти-человечность. Дурная конструкция. Так и надо говорить: то, что против коммунизма — вот то и есть человечность! (аплодисменты). Не признавать, отвергать эту человеконенавистническую коммунистическую идеологию — вот это и есть простая человечность! Это не партийность, это — протест нашей души против тех, кто говорят нам: забудьте понятия добра и зла.

И удивительно, кроме всех книг своих, сколько наглядных пособий предложил коммунизм современному человечеству. Прогрели танки по Будапешту. Ничего. Прогрели танки по Чехослова-

кии. Ничего. Кому бы другому не простили, коммунизму — можно простить. По какому-то будто нарочитому замыслу, как будто Бог хотел наказать, отнимая ум, коммунизм воздвиг берлинскую стену. Ведь чудовищный символ! — показать, что такое коммунизм. 14 лет расстреливают там не только тех, кто хочет уйти из счастливого общества коммунизма. Недавно был случай, какой-то иностранный мальчик с западной стороны упал в речку, в Шпрее. И его хотели спасти. Восточно-германские пограничники открыли огонь. Не спасайте. И потонул... мальчик, совсем со стороны.

Убедила кого-нибудь берлинская стена? Опять нет. Опять её игнорируют. Да, она стоит, но к нам она не придёт. У нас стены такой не будет. И те танки, которые были в Будапеште и Праге, и те к нам не придут. На всех границах коммунистического мира, во всяком случае на европейских, поставлены электронные убиватели. Уже не люди, — приборы для убивания всякого. И это нам не грозит, мы этого не боимся... Изобрели в коммунистических странах принудительное психиатрическое лечение. Ничего. Мы живём спокойно. Там три раза в день... вот сейчас, идут дневным обходом и колют вещества, разрушающие мозг. Ничего. Мы живём спокойно.

Есть у вас такая некая Анжела Дэвис. Я не

знаю, известна ли она у вас в стране. Но в нашей стране буквально целый год мы ничего не слышали, кроме Анжелы Дэвис. Во всём мире существует одна Анжела Дэвис, и она страдает. Нам прожужжали все уши этой Анжелой Дэвис. Маленьким детям в школах велели подписывать петиции в защиту Анжелы Дэвис. Мальчикам, девочкам по 8, 9, 10 лет. Ну, освободили Анжелу Дэвис. Хотя она и тут не очень тяжело сидела, но она приехала на поправку на советские курорты. И некоторые советские диссиденты, а больше не советские, а группа чехословацких диссидентов обратилась к ней: товарищ Анжела Дэвис, вы сидели в тюрьме, вы знаете, как обидно сидеть, когда вы считаете себя невиновной. У вас сейчас такой авторитет, помогите нашим чехословацким узникам, защитите тех, кого в Чехословакии преследуют. Анжела Дэвис ответила: так им и надо! пусть сидят! Вот лицо коммуниста, вот сердце коммуниста (аплодисменты).

Я особенно хочу сейчас напомнить, что коммунизм развивается как стержень, он развивается единым стержнем, вовсе не меняясь, как принято о нём теперь говорить. Ленин. Если Ленин развивал марксизм, а он развивал его, то, во-первых, в сторону идеологической непримиримости. Читая Ленина, вы поражаетесь, сколько злобы и не-

нависти при малейшем расхождении, когда на волос расходятся взгляды. И потом развивал Ленин марксизм в сторону его человеконенавистничества. Перед октябрьской революцией в России написал Ленин такую книгу «Уроки парижской коммуны». Он анализировал, почему коммуна в Париже в 1871 году потерпела поражение. И вот был главный вывод Ленина: коммуна слишком мало расстреливала. Коммуна слишком мало уничтожала. Надо было уничтожать целые классовые группы. Придя к власти, Ленин это показал.

Затем придумали такое слово «сталинизм». И оно очень пошло. И сейчас даже на Западе часто говорят: только бы Советский Союз не вернулся к сталинизму. Но никакого сталинизма никогда не было. Это выдумка хрущевской группы для того, чтобы свалить на Сталина все коренные особенности, все коренные вины коммунизма. И она очень эффектно удалась. А между тем всё самое главное успел сделать Ленин до Сталина. Это он обманул крестьян с землей, это он обманул рабочих с самоуправлением, это он сделал профсоюзы органом угнетения, это он создал ЧК, это он создал концентрационные лагеря, это он послал войска подавить все национальные окраины и собрать империю.

Всего навсего-то Сталин сделал по своей недо-

верчивости вот что: там, где достаточно было для общего страха посадить двух человек, он сажал 100. А следующее руководство вернулось к прежней тактике. Там, где достаточно посадить двух человек, там и сажают двух человек, а не сто. Вся вина Сталина была перед своей собственной партией. Что он собственной коммунистической партии не доверял. И за это одно придумали сталинизм. И Сталин никуда не ушёл от той же линии. И когда рисовали у нас барельеф: Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин, а дальше можно пристроить Мао Цзэ-дуна, Ким Ир-сена, Хо Ши-мина — это всё стержень, это вся единая линия.

Сейчас еще принята на Западе и такая теория: вот в Китае очень такой... очищенный коммунизм, пуританский коммунизм, не переродившийся. А в Китае просто задержалась та фаза казарменного коммунизма, которая установлена была Лениным в России, но продержалась только до 1921 года. Ленин установил её не потому, что этого требовали военные обстоятельства. Он установил её потому, что так они мыслили, так они представляли будущее общество. Но когда под давлением экономики надо было отступить, ввели так называемый НЭП. И отступили. А у китайцев эта фаза задержалась дольше. Китай характеризуется сейчас всеми теми чертами массового принудитель-

ного труда, который не оплачивается сколько-нибудь сравнительно со своей стоимостью. Работой и в праздники, насильственными коммунами, и вталкиванием, вдолблением лозунгов и догм, которые упраздняют человеческое существо. Человек перестает быть индивидуальностью.

Самое страшное в мировой системе коммунизма — это её соединённость, это её сплочённость. Недавно Энрико Берлингуэр сказал так, совсем вот недавно: над Коминтерном закатилось солнце. О, нет! Оно не закатилось. Его энергия сгустилась в электричество и ушла в подземные провода. Солнце Коминтерна течёт электрическим током высокого напряжения всюду под землей. И когда недавно был такой инцидент — возмущались западные коммунисты ложью, будто бы подсунули какую-то инструкцию им из Москвы, будто бы Португалия действует по московской инструкции, ну и, конечно, в Москве отрицали. А потом нашли, что всё это самое открыто напечатано в журнале «Проблемы мира и социализма». Эта самая инструкция Пономарева. Видимые отличия коммунистических партий мира мнимые. Они все едины в одном: ваш строй должен быть уничтожен!

Что удивляться, что это плохо понимает мир? Если социалисты, наиболее близкие к коммунистам — и они не понимают, и они не могут пове-

рить в природу коммунизма до конца. Недавно вождь шведских социалистов Пальме сказал так: «единственно, как может коммунизм выжить — это стать на демократические позиции». Единственно, как может выжить волк — это перестать есть мясо и стать ягненком. (Смех). А ведь Пальме — совсем рядом, Швеция близко к Советскому Союзу. Я думаю, и он, и Миттеран, и итальянские социалисты еще доживут до положения Суареша. Но и положение Суареша сегодня еще не самое плохое. Самое страшное ждёт Суареша еще впереди. Истинно, что их всех ждёт, могли бы рассказать только русские социалисты — меньшевики и эсэры. Но они никогда не расскажут. Они все в земле, они все убиты. Читайте «Архипелаг ГУЛаг»...

Конечно, в нынешней обстановке коммунисты вынуждены применять разные виды маскировки. То мы слышим «Народный фронт», то мы слышим так называемый «диалог с христианством». Коммунисты будут вести диалог с христианством! У нас в Советском Союзе диалог был простой — из пулемётов, из револьверов. Сегодня в Португалии на безоружных католиков коммунисты пришли с камнями и побили их камнями. Сегодня. Это — диалог... И когда французские и итальянские коммунисты говорят, что они будут

вести диалог, то дайте им только силу, мы увидим этот диалог. Я в этом году путешествовал по Италии в апреле. Я был поражён: на воротах храма серп и молот. На дверях священника оскорбительная надпись. Хулиганские коммунистические надписи вообще пестрят на стенах итальянских городов. Это сейчас, пока они еще не пришли к власти, это сейчас... Их руководители, когда они были в Москве, Пальмиро Тольятти, подписывали Сталину, соглашались со всеми казнями. Дайте им придти к власти в Италии — мы увидим этот диалог!

Все коммунистические партии, когда они получают полную власть, становятся совершенно беспощадны. Но на тех стадиях, когда власти нет, им надо применять маскировку.

Нам, русским, с русским опытом трагически смотреть на то, что происходит в Португалии. Нам говорили всегда: ну, это у вас, у русских, это вы не могли вашу демократию удержать, 8 месяцев, и у вас её задушили, это на востоке Европы. Но Португалия на крайнем западе Европы. Уже западнее Португалии — дальше некуда. И что мы видим? Мы видим как будто бы карикатуру, чуть-чуть измененные русские события. Для нас это звучит повторением. Мы узнаём, мы можем подставить. Вместо Суареша мы можем подставить наших со-

циалистов. У нас тоже говорили, большевики шли к власти под лозунгом: «Вся власть Учредительному собранию!» Но получили на выборах 25 процентов. И разогнали его. Здесь коммунисты получили 12 процентов. Так они сделали парламент бездейственным. Какая ирония: говорят, социалисты — победители на выборах. Суареш — лидер победителей. И его лишили собственной газеты. Подумайте, — лидера, лидера победившей партии лишили собственной газеты!

А что избрали ассамблею, она будет заседать — не имеет никакого значения. И обо всём этом западная пресса серьёзно пишет: первые свободные выборы в Португалии. О, Боже мой, упаси от таких свободных выборов (аплодисменты). Отдельные случаи коварства, отдельные случаи хитрости, конечно, в разных обстоятельствах меняются. Но мы узнаём этот характер, мы узнаём коммунистический характер в таком эпизоде, когда военные руководители, якобы не коммунисты, решили рассудить этот случай с газетой «Республика»: хорошо, приходите завтра в 12 часов дня, мы откроем вам двери, и вы тут разбирайтесь. Но они открыли в 10, и почему-то знали только коммунисты. А социалисты не знали. Коммунисты пришли, сожгли все, что надо уничтожить, а по-

том пришли социалисты. Ах, это была ошибка! Ошибка, случайно, не сверили часы...

Вот из таких-то приёмов, их тысячи, соткана вся история нашей революции. И будет много еще таких случаев в португальской. Или такой пример: нынешние военные руководители Португалии для того, чтобы не потерять помощи Запада, они же уже разорили Португалию, есть-то уже нечего, помощь нужна, заявляют: да, у нас останется многопартийная система. И несчастный Суареш поставлен в положение — лидер победителей поставлен в положение, что он должен демонстрировать, что рад этому заявлению о многопартийной системе. Но в тот же день из того же рта объявляется, что начинается немедленное построение бесклассового общества. А кто хоть столько-нибудь из марксизма когда-нибудь видел самый малый кусочек, тот знает, что бесклассовое общество — значит, **партий не будет**. То есть, в один и тот же день сказано: система многопартийная, все партии удушим. И второе не слышно, а первое слышно. И все повторяют: система будет многопартийная... Вот это приёмы коммунистов.

Португалия уже сегодня практически выпала из НАТО. Боюсь быть худым пророком: этих событий не остановить. Португалию можно считать

уже очень скоро реальным членом Варшавского пакта. Этих событий не остановить.

Но невозможно без боли смотреть на это трагическое и ироническое повторение коммунистических приёмов. На двух концах Европы с расстоянием в 60 лет так же точно в несколько месяцев удушается демократия, которая только-только-только хотела стать на ноги.

Частный вопрос о войне тоже отлично освещён в марксистской — коммунистической литературе. Вот как смотрит коммунизм на войну. Я цитирую Ленина: «Мы не можем стоять за лозунг мира, ибо считаем его архипутанным, тормозящим революционную борьбу». (Письмо к Колонтай, июль 15-го года.) «Отрицать войну вообще — это не по-марксистски. Объективно — кому на руку лозунг мира? Во всяком случае, не революционному пролетариату.» (Письмо Шляпникову, ноябрь 14-го). «Бесполезно выставлять добренькую программу благочестивых пожеланий о мире, если не выставлять в то же время и на первом месте проповедь нелегальной организации и гражданской войны». Вот как смотрит коммунизм на войну. Война нужна. Война — это средство достичь цели.

Но к несчастью для коммунизма в 45-м году эта прямая линия уперлась в вашу атомную бом-

бу. В американскую атомную бомбу. И тогда коммунисты переменили тактику. Тогда они стали внезапно сторонниками мира во что бы то ни стало. Стали собираться конгрессы мира. Петиции мира писаться. И Западный мир поддался этому обману. А цель и идеология осталась та же: уничтожить ваш строй! Уничтожить то, как на Западе идёт жизнь.

Но при вашем атомном перевесе нельзя было себе этого разрешить. И тут произошла подмена понятий. Подменили, сказали так: «не война» — это мир. То есть миру противопоставили войну. А это ошибка. Тезису противопоставили только часть антитезиса. Когда нельзя вести открытой войны, то можно потихоньку душить. Можно применять терроризм, партизанскую борьбу, насилие, тюрьмы, концлагеря. Скажите, это что, — мир?

Полная противоположность миру — это насилие. И те, кто хотят в мире мира, должны не только войну убрать из мира, но убрать и насилие. А если нет открытой войны, но идёт насилие, — это не мир.

Пока в Советском Союзе, в Китае, в других коммунистических странах нет предела насилию, а теперь присоединяется к этому массиву, кажется, и Индия, кажется, миссис Ганди не зря ездила

в Москву, она хорошо переняла их методы. Можно рассчитывать, что она еще 400 миллионов добавит к тому массиву, 400 миллионов человек, — пока нет границ насилию, ничто не сдерживает насилие на таком огромном массиве, больше половины человечества, — как можете вы считать себя в безопасности? Америка с Европой вместе еще не составляет острова в океане. Нет, так я еще не скажу. Но Америка с Европой уже меньшинство. И процесс этот продолжается всё время. Пока в тех коммунистических странах общественность не контролирует своих правительств и не может иметь суждения, да даже не может знать ничего, даже знать ничего не может, что правительства задумали, — до тех пор у западного мира и у всеобщего мира нет никакой гарантии.

Говорит пословица: схватишься, как с горы покатишься.

Понятно, вы любите свободу. Но в нашем тесном мире приходится платить за свободу пошлину. Нельзя любить свободу только для себя и спокойно соглашаться с тем, что пусть в большинстве человечества, на большей части земли царит насилие и душит людей.

Их идеология: уничтожить ваш строй. Это цель их 125 лет. Она никогда не менялась. Лишь немножко менялись методы. И когда ведётся раз-

рядка, мирное сосуществование и торговля, они настаивают: а идеологическая война должна продолжаться! А что такое идеологическая война? Это сноп ненависти, это повторение клятвы: западный мир должен быть уничтожен. Как когда-то в римском сенате знаменитый оратор кончал каждую речь свою фразой «А между прочим Карфаген должен быть уничтожен», так и сейчас при каждом действии, торговле или разрядке, пресса коммунизма, закрытые инструктажи, тысячи лекторов повторяют: а капитализм должен быть уничтожен!

Можно понять, это человеческое чувство, я всегда говорю: живя в благополучии, трудно поверить, что надо уже сейчас, в благополучии, применять какие-то меры предосторожности. Что в благополучии уже надо остерегаться.

Да если начать перечислять список нарушенных Советским Союзом договоров, то это составит еще один доклад. Я понимаю, когда ваши государственные деятели подписывают с Советским Союзом или с Китаем какой-нибудь договор, вам хочется верить, что этот договор будет выполнен. Но ведь и поляки в 1921 году в Риге, когда подписывали договор с коммунистами, им тоже хотелось верить, хотелось верить, что это будет так. Но их ударили в спину. Но ведь Эстония, Латвия

и Литва, когда они подписывали договоры о дружбе с Советским Союзом, им тоже хотелось верить, что это будет так. Но их всех проглотили.

Те самые люди, которые подписывают с вами договоры, те самые, не другие, отдают распоряжения о психиатрических домах и о тюрьмах. И почему же они должны быть разные? Из любви ли к вам? Как это объяснить? Почему они тех, кто у них под рукою, дают, а по отношению к вам будут благородно честными? Пока что защитники разрядки этого не объяснили.

Вам хочется верить, и вы уменьшаете свою армию. Вы уменьшаете исследовательские работы. Целый был такой институт по изучению Советского Союза. Хоть один-то институт был. Вы ничего не знаете о Советском Союзе. Там темнота. Вот эти прожекторы туда не бьют (аплодисменты). И ничего не зная, вы упразднили последний, единственный институт, который хоть что-то мог изучить. Жалко денег стало. А Советский Союз, наоборот, изучает вас. Вы все открыты через прессу, через парламент. И еще он изучает вас. И увеличивает штаты своих представителей здесь. И они следят за вашими учреждениями, они аккуратно посещают заседания, если можно, даже комиссии вашего Конгресса, они всё это изучают.

Конечно, всякие мирные соглашения очень

привлекательны для тех, кто их подписывает. Они укрепляют престиж у избирателей. Но будет время, имена этих государственных деятелей смоеет история. Никто их уже не вспомнит. А западные народы будут расплачиваться за эти доверчивые соглашения (аплодисменты).

И если бы только оказывалось, что разрядка нужна вот сегодня, сейчас. Нет, находятся теоретики, которые очень далеко видят. Директор русского института колумбийского университета Шульман на заседании сенатской комиссии по иностранным делам осветил блестящую дальнюю перспективу, он сказал: «разрядка имеет дальний план. В дальнем плане будет совместное сотрудничество Соединённых Штатов Америки и Советского Союза в установлении мирового порядка». Да какой же новый порядок в сотрудничестве с ненасытным тоталитаризмом думает установить этот профессор? (аплодисменты). Это не ваш будет порядок.

Но главный аргумент сторонников разрядки известен, это всё необходимо делать для того, чтобы избежать ядерной войны. Я думаю, что после всего, что произошло за эти годы, я могу успокоить их и вас: а ядерной войны, ядерной войны — и не будет. Зачем? Зачем ядерная война, если вот уже целые 30 лет от западного мира отламы-

вают столько, сколько надо. Страну за страной, страну за страной. Процесс идёт. Если говорить только об этом 1975 годе, ну вот, 4 страны уже отломили. Четыре. Три страны Индокитай и Индию. И так процесс идёт. И чрезвычайно быстро. Этот темп надо оценить. Но, допустим, наступит момент, когда, наконец, западный мир поймёт и скажет: нет, ни шагу дальше! Что произойдёт в этом случае?

Я хочу обратить ваше внимание. У вас есть такие теоретики, которые говорят: остановите ядерное вооружение США. Мы уже имеем сейчас, Америка сегодня имеет ядерного вооружения столько, достаточно, чтобы уничтожить половину мира противоположного. Зачем нам больше? Пусть судят ядерные специалисты. Но почему-то ядерные специалисты Советского Союза, почему-то руководители Советского Союза думают иначе. Спросите ваших специалистов. Я уже не говорю о превосходстве в танках, в самолетах в 4, 5, 7 раз. Но вот за сегодняшними переговорами САЛТ, за сегодняшним разоружением ваш оппонент всё время обманывает вас. То использует радар на контроле, который по соглашению нельзя было использовать. То нарушает договор об ограничении размеров ракет. То нарушает условия их разрушительной силы. То нарушает условия о разделяющихся голов-

ках. «Не доглянешь оком, заплатишь боком» (аплодисменты). Было время, когда Советский Союз не шёл ни в какое сравнение с вами по атомному вооружению. Потом сравнился, сравнился. Потом, сейчас уже все признают, что начинает превосходить. Ну, может быть, сейчас коэффициент больше единицы. А потом будет два к одному. А потом три к одному. А потом пять к одному. Я не специалист в этой области, и вы не специалисты. Но, наверное, это не зря. Но я думаю, что если бы хватало того вооружения, не гнали бы дальше. Я думаю, что есть там какой-то резон. Что при таком превосходстве в ядерном оружии можно будет ваше оружие остановить! И в одно несчастное утро открыто объявят: внимание, мы отправляем войска на Европу. А если вы пошевелнётесь, мы вас уничтожим. И окажется, что это соотношение: три к одному или пять к одному — сработает. И вы не шевельнётесь. И у вас найдутся теоретики, которые сейчас же скажут: о, только бы наступила благословенная тишина!..

Это все напоминает, если пользоваться шахматным сравнением, вот такую ситуацию, что сидит за партией игрок, который чрезвычайно высокого мнения о себе и невысокого мнения о противнике. Он считает, что он конечно превосходит противника, что он такой тонкий, что он такой расчётли-

вый, такой изобретательный. Ну, конечно, он его обыграет. Он сидит, он рассчитывает свои комбинации. Вот двумя конями он делает четыре вилки. Он ждет не дожждётся следующих ходов. Он ёрзает на стуле от радости. Он снимает очки, протирает, надевает их снова. Он не допускает, что противник умней его. Он не видит, что у него летят пешки. И ладья его под ударом. Ему всё кажется: ага, так-так-так-так, мы Москву, Пекин, Пхеньян, Ханой, мы их перессорим. Да смешно! Кто их перессорит? А пока что: в Западном Берлине вас переиграли. В Португалии исключительно тонко переиграли. На Ближнем Востоке переигрывают. Не надо быть такого низкого мнения о своем противнике.

Но даже если бы этот шахматист мог бы выиграть партию на доске, он забывает, он забывает, увлечённый доской, поднять глаза и посмотреть, что у его противника глаза убийцы. И если у противника партия не удастся, у него за спиной дубина, и он раскроит и голову этому шахматисту, и эту партию. (аплодисм.). Этот расчётливый шахматист забывает поднять глаза, посмотреть и на барометр. Барометр упал. Он не видит, что уже нет света из окна, что идут тучи и надвигается ураган. Вот это значит слишком поверить в свои способности на шахматной доске.

А подходит действительно... Кроме той тяжёлой политической ситуации, которая сегодня на земле, мы с вами присутствуем, на нас надвигается еще новая ситуация. Это — кризис неведомого рода, это нечто другое, это совсем не политическое. Приближается крупный поворот всей мировой истории, всей цивилизации. Это уже замечено многими в разных местах, по своим специальностям. Этот поворот, я бы не нашёлся ни с чем его больше сравнить, как с поворотом от Средних Веков к Новому Времени. Это целый поворот цивилизации. Это такой поворот, когда устоявшиеся понятия вдруг становятся не резкими, теряют точные контуры. Это такой поворот, когда часто употребляемые, привычные наши, обычные слова теряют смысл, становятся пустышками. Это такой поворот, когда методы, безотказные много столетий — не берут, перестают действовать. Это такой поворот, когда иерархия ценностей, которой мы поклоняемся, что мы считаем самым для себя дорогим и что менее, из-за чего колотится наша жизнь и наше сердце, — эта иерархия начинает качаться и может рухнуть.

И вот эти два кризиса, политический кризис сегодняшнего мира и придвигающийся кризис духовный, они сходятся во времени. И, очевидно, еще нашему поколению предстоит войти в них.

На руководство вашей страны, которая откроет третье столетие вашего существования, может быть, ляжет тяжесть, которой не было еще во всей американской истории. Вашим руководителям этого уже близкого времени понадобится глубокая интуиция, духовное предвидение, высокие качества ума и души. Пошли вам Бог, чтобы в те минуты вас возглавили такие же великие характеры, как те, которые создали вашу страну (аплодисменты).

За последнее время, путешествуя по некоторым вашим штатам, я, конечно, ощутил, что эти два города, в которых я выступаю, Вашингтон и Нью-Йорк, далеко-далеко не выражают вашей страны, всего разнообразия и всех возможностей её. Так же точно как старый Санкт-Петербург не выражал России. Как Москва не выражает сегодняшнего Советского Союза, как Париж не раз злоупотреблял, что выражает всю Францию.

Я испытал глубокое впечатление, прикоснувшись к тем местам, откуда текли и текут ваши истоки. Ещё раз задумываешься: люди, создавшие ваше государство, никогда не упустили из руки нравственного компаса. Они не смеялись над абсолютностью понятий «добро» и «зло». И свою практическую политику они сверяли с этим нравственным компасом. И вот удивительно: политика, рас-

считанная по нравственному компасу, оказывается самой дальновидной и самой спасительной. Хотя в ближайшем коротком кругозоре кажется: да зачем эта нравственность. Вот надо сейчас, тут смотреть, как вот тут близко сейчас покомбинировать.

Руководители, создавшие вашу страну, никогда не говорили: пусть рядом царит рабство, ладно, а мы вступим с ним в разрядку, лишь бы оно не распространилось на нас.

Я достаточно попутешествовал, по разным штатам вашей страны, в разных концах ее, чтобы сказать, что я убедился в здравости, крепости, широте провинциальной Америки. Я уверен, что эти здоровые, щедрые, неисчерпаемые силы помогут вам возвысить весь стиль вашего государственного руководства.

Да, когда путешествуешь по вашей стране, видишь вашу свободную и независимую жизнь, действительно, все эти мировые опасности, о которых я сегодня говорил, кажутся нереальными. Действительно, вот я знаю, вот я пришел, говорю. Но здесь на ваших просторах и я начинаю этим заражаться. Правда, как-то нереально. На этом континенте трудно поверить во всё то, что происходит на земле. Но, господа! Беспечной жизни уже не будет ни у вашей страны, ни у нашей страны. У наших

двух стран очень нелёгкая судьба. И лучше к этому готовиться заранее (аплодисменты).

Я понимаю, я ощутил: вы устали. Вы устали, но ведь вам еще не достались подлинные страшные испытания XX века, которые перекатились над старым континентом. Вы устали, но не так, как устали мы, 60 лет лежим, придавленные к земле. Вы устали, но не устали коммунисты, которые имеют целью уничтожить вашу систему! Нисколько не устали (аплодисменты).

Я понимаю, сейчас самый неудачный момент приехать в эту страну и выступать вот с такими речами, как я. Но если бы был удачный момент, удобный, в моих выступлениях не было бы и нужды (аплодисменты). Вот именно потому, что момент самый неудачный, именно поэтому я пришёл рассказать вам об опыте **оттуда**. Если бы наш опыт Востока сам к вам влился, мне не нужно было бы принимать эту несвойственную мне и нелюбимую мною роль оратора. Я писатель, я бы сидел и писал свои книги.

Но концентрируется мировое зло, ненавистное к человечеству. И оно полно решимости уничтожить ваш строй. Надо ли ждать, что оно ударит ломом в вашу границу и что американская молодёжь должна будет умирать на границах вашего континента?

После моего первого выступления, как всегда в прессе бывают, были — поверхностные, в суть не вникающие комментарии. И один из них был такой: будто бы я приехал призывать Соединённые Штаты освобождать нас от коммунизма. Кто хоть сколько-нибудь следил за тем, что я писал и что говорил много лет в Советском Союзе, а потом уже на Западе, тот знает: я всегда говорил противоположное. Я призывал моих соотечественников, тех, у кого в трудные моменты дрогнуло сердце, и они смотрели с мольбой на Запад, я призывал: не ждите помощи! И не просите помощи! Это нечестно. Мы должны стать сами на свои ноги. У Запада довольно своих забот без нас. Поддерживают нас — спасибо сердечное. Но просить, но призывать — никогда.

Я сказал прошлый раз: в мире идут два процесса. Один процесс — духовного освобождения СССР и других коммунистических стран. Второй процесс — подача помощи с Запада коммунистическим правителям. Уступок, разрядки, отдачи целых стран. И я только сказал: помните, мы там сами должны подняться, но, защищая нас, вы защищаете своё будущее.

Мы, там, по рождению рабы. Мы родились рабами. Вот я не молод, а я родился уже в рабстве. А все, кто моложе меня, тем более. Мы рабы,

но мы тянемся к свободе. А вы, вы свободны по рождению. Но если вы свободны по рождению, зачем вы подставляете шею рабству? Зачем вы помогаете нашим рабовладельцам? (аплодисменты). Я единственно о чем просил в моей прошлой речи и прошу сейчас: когда нас живьем закапывают в землю (я сравнивал предстоящее европейское приглашение с братской могилой Восточной Европы)... А вы знаете, это очень неприятное ощущение: когда земля забивается тебе в рот, а ты еще жив... Когда нас живьем закапывают в землю, пожалуйста, не подавайте лопаты могильщикам! Пожалуйста, не посылайте им современных землеройных машин! (аплодисменты).

По странному совпадению, в тот самый день, когда я произносил речь в Вашингтоне, к вашим сенаторам в московском Кремле обратился Суслов. И он сказал: собственно, значение торговли нашей больше политическое, чем экономическое. Обойдёмся мы и без вашей торговли. — Ложь! Всё существование наших рабовладельцев от начала и до конца стоит на западной, экономической помощи (аплодисменты). Я говорил в прошлый раз: начиная от первых деталей, которыми восстанавливались заводы наши в 20-е годы, начиная от строек Магнитостроя, Днепростроя, автомобильных заводов, тракторных в первые пятилетки, и в после-

военные годы и сейчас, и всё, что требуется от вас сейчас, это всё совершенно необходимо. Не политически, — экономически необходимо советской системе. Советская экономика обладает чрезвычайно малым коэффициентом полезного действия. Чрезвычайно слабой эффективностью. И то, что у вас делается малым числом людей, малым числом машин, — у нас собирает огромные толпы и большие массы материалов. Поэтому советская экономика не может справиться со всем сразу. И война, и космос, связанный с войной, и тяжёлая промышленность, и лёгкая промышленность, и накормить свое население и одеть — так вот, силы всей советской экономики сосредотачиваются на войне, где вы не будете помогать. А всё, чего не хватает, что можно пристроить туда или что нужно для того, чтобы накормить народ, или сделать остальную промышленность, — всё берётся от вас. Так вы косвенно помогаете военной подготовке и полицейской крепости Советского Союза (аплодисменты).

Чтобы представить себе как нелепа советская экономика, маленький пример. Скажите, что это за страна, великая держава мира, которая: имеет огромный военный потенциал, завоёвывает космос, а что она может продать? Всю тяжёлую технику, сложную, тонкую технику — покупает. Так

тогда это сельскохозяйственная страна? Ничего подобного, зерно тоже покупает. Что же мы можем продавать? Что это за экономика? То, что создано у нас социализмом? Нет! То, что Бог от начала положил в русские недра, вот это всё мы транжирим и продаём. То, что от Бога. А когда кончится, — нечего будет и продавать.

Но торговля на этом не остановится. Председатель Американской Федерации труда - Конгресса производственных профсоюзов мистер Джордж Мини справедливо сказал недавно: это — не займы, которые мы даём, которые вы, Соединённые Штаты даёте Советскому Союзу, а это экономическая помощь. Она даётся на таких процентах, на которых американский рабочий не может взять ссуду на постройку дома. Это — прямая помощь.

Но если б это было всё. Я в прошлой речи говорил и сейчас хочу напомнить, надо на каждую вещь смотреть еще с той стороны, от нас. Наша страна берёт вашу помощь, а в школах учат, а в газетах пишут, а в лекциях говорят: смотрите, западный мир загнивает! Смотрите, экономика западного мира кончается, сбываются великие предсказания Маркса, Энгельса и Ленина — капитализм погиб! Он уже совершенно погиб! А наша социалистическая экономика, мол, расцветает, она доказала наконец торжество коммунизма. И вот я ду-

маю, господа, особенно те, кто имеет социалистическое мировоззрение: дайте же наконец социалистической экономике доказать свое превосходство! Дайте ей доказать, что она передовая, что она всемогущая, что она вас побила, что она вас перегнала. Не вмешивайтесь в неё. Перестаньте ей занимать и продавать (аплодисменты). Если она такая всемогущая, ну вот она встанет сама, постоит 10-15 лет на своих собственных ногах, а мы посмотрим. И я скажу вам, что будет. Так пошутили, а дальше без шутки. А без шутки будет то, что когда на все стороны нельзя будет управиться экономике, она должна будет уменьшить свою военную подготовку, она должна будет бросить бесполезный космос и должна будет кормить народ и одевать его. И должна будет смягчить свою систему.

Таким образом, всего-навсего, к чему я призываю, это: раз она такая процветающая экономика, раз она такая гордая, а ваша такая пропадающая, загнивающая, так перестаньте той помогать. Ну где же, когда же калека помогал богатырю? (смех и аплодисменты).

И еще одно искажение промелькнуло в вашей прессе по поводу моего предыдущего выступления. Сказали: ну, вот, приехал к нам еще один оратор холодной войны. Приехал к нам еще один призы-

вать возобновить холодную войну. Нет, плохо поняли. Холодная война, война ненависти, она и сегодня идёт, только со стороны коммунизма. Что такое холодная война? — ругательная война. Вас и так ругают. С вами торгуют, подписывают договоры, — и ругают, и проклинают. И в тех источниках, которые вы можете читать, а еще больше в тех, которых вы не читаете и не слышите, там, в глубине Советского Союза, против вас холодную войну не прекращали никогда ни на одну минуту. Вас иначе не называют, как американские империалисты. Я говорю: в один день достаточно всем газетам напечатать, что вы хотите подавить мир, — и нашим людям даже негде взять другой информации. Но призываю ли я вас к холодной войне? Ни в коем случае. Боже упаси, зачем? Всего-навсего, только: дайте возможность этой экономике развиваться. Не закапывайте нас в землю, а экономика пусть развивается, а мы посмотрим.

Но способна ли свободная, разнообразная западная система принять такую линию? Способна ли она вся едино согласиться: и правда, перестанем соревноваться, перестанем угождать, перестанем отталкивать друг друга локтями — мне, мне, мол, пожалуйста, концессию, мне вот там дайте... Очень может быть, что и не согласится. И если такого единства не будет найдено, если в безум-

ном соревновании фирм будут всё так же гнать займы и тонкую технику, и подавать землеройные машины для наших могильщиков, боюсь, что окажется прав Ленин, который сказал: сама буржуазия продаст нам веревку, а мы ей дадим повеситься.

С древних времён торговля начиналась с того, что два встретившихся человека, пришедших из леса или по морю, по реке, показывали, что у них нет палки, нет камней, что они не вооружены. И в знак этого они показывали открытую ладонь. И так создалось — рукопожатие. И сегодня то, что называете «детант» — это есть **ослабление** туго натянутой веревки. (Какое зловещее совпадение — опять веревки...) Ведь «детант» это ослабление. А я бы сказал — нужна **открытая ладонь**. Нужны такие отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами, чтобы не было обмана в вооружении, чтобы не было концентрационных лагерей, чтобы не было психиатрических домов для здоровых. Чтобы не сжимались горла женщин от слез. Чтобы прекратилась эта вечная идеологическая война, которую против вас ведут. Чтобы такое выступление, как моё сегодня, не носило бы никакого характера исключительности. А запросто, приезжали бы к вам люди из Советского Союза, из Китая, из других коммунистических стран, не

подготовленные КГБ, не одобренные ЦК партии, а просто приезжали люди от себя, и могли бы вам рассказывать, что, правда, у нас творится.

И вот это и была бы, как я называю, «открытая ладонь» (аплодисменты).

РЕЧЬ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

15 ИЮЛЯ 1975

НА ПРИЕМЕ В СЕНАТЕ США

МНОГОУВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!

Здесь, в здании Сената Соединённых Штатов Америки, я не могу не начать с того, что несколько не забыл ту высокую и даже исключительную честь, которую оказал мне Сенат, проявив двукратные усилия присвоить мне звание «почётного гражданина Соединённых Штатов». Я понял эти усилия так, что вы имели в виду не исключительно меня как личность, но — бесправное множество моей страны и даже других коммунистических стран, то множество, которое никогда не имело и не имеет возможности высказать свое мнение ни в прессе, ни в парламентах, ни на международных конференциях.

Принося вам благодарность за решения, принятые Сенатом США относительно меня, я тем более ощущаю ту ответственность, почти непосильную для плеч отдельного физического человека, ответственность такого представительства. Но так как я никогда не забывал страданий, поис-

ков и порывов того безмолвного множества и не имел другой цели в жизни, как выразить именно их, — то это даёт мне силу и для нынешних выступлений в США и для сегодняшнего выступления здесь. В виде публицистическом у нас, в коммунистических странах, выступают пока немногие, но сплошь миллионы понимают мерзость системы, испытывают отвращение к ней, а кто успевает — «голосует ногами», просто убегая от этого массового насилия и уничтожения.

Сегодня здесь я вижу не только членов Сената, но и группу членов Палаты Представителей. Итак я впервые выступаю перед участниками законодательного процесса вашей страны, влияние которого за последние годы распространилось на ход далеко не только американской истории.

Наш с вами жизненный опыт почти совершенно и во всём противоположен. От изобилия пережитого в XX столетии русский опыт стал горьким образом слишком богат и даже обращён к вам как бы из Будущего. Тем более необходимо нам с настойчивостью и полной открытостью выражать друг другу свой опыт. Одна из самых страшных опасностей сегодняшнего мира в том и состоит, что судьбы мира как никогда связаны в единый клубок, так что событие или ошибки в одной части мира тотчас отражаются на судьбе другой, — а меж-

ду тем обмен информацией и суждениями между массами населения перегорожен железными заставами с одной стороны, а с другой стороны — искажается удалённостью, слабой осведомлённостью, узостью кругозора или преднамеренностью теорий наблюдателей и истолкователей.

Несколькими своими выступлениями в вашей стране я пытался прорвать эту стену бедственного незнания или беспечной надменности. Я пытался передать вашим соотечественникам скованное дыхание жителей Восточной Европы именно в эти недели, когда дружным согласием дипломатических лопат будут засыпаны и утрамбованы в братской могиле еще дышащие груди. Я пытался объяснить американцам, что именно в нежном расцвете деданта — еще уменьшена, еще снижена в 1973 году голодная норма питания в тюрьмах и лагерях СССР, и именно в последние месяцы, когда всё большее количество западных ораторов указывает на благодетельные последствия «разрядки» — в Советском Союзе утверждено еще новое важное усовершенствование наказательной системы: сохраняя бессмертное первенство в изобретении концлагерей принудительного труда, тюремоведы Советского Союза сегодня установили и новый вид одиночного тюремного заключения: принудительный труд в тюремных камерах — холодных, голод-

ных, без свежего воздуха, без достаточного света и по непосильным нормам выработки, а за их невыполнение — карцер.

Увы, такова человеческая природа, что никакие чужие страдания не омрачают нашего временного блаженства и не могут быть нами ощущены, пока они не выпадут и на нашу долю. Я не уверен, сумел ли я своими выступлениями донести это дыхание грозной реальности до благоденствующего американского общества. Но я сделал, что был обязан и что мог. Тем горше, если справедливость моих предупреждений будет оценена лишь через несколько лет.

Недавно ваша страна пережила длительное вьетнамское испытание, утомившее и разделившее ваше общество. Я уверенно говорю вам: это испытание было самым лёгким из той цепи испытаний, которые в близкое время ожидают вашу страну.

Соединённые Штаты Америки, хотя бы они того или не хотят, поднялись на хребет мировой истории и несут на себе тяжесть руководства если не всем миром, то еще доброй половиной его. Соединённые Штаты не имели до того тысячелетней подготовки, и за двести лет, пожалуй, не было времени окончательно спянуться национальному самосознанию, — а груз обязанностей и задач наваливается, не спросясь.

Потому и вы, члены Сената и члены Палаты Представителей, каждый из вас — не рядовой член рядового парламента, но вы внесены на особую высоту в современном мире. Я хотел бы передать вам, как мы там, подданные коммунистических стран, воспринимаем ваши слова, действия, проекты и осуществлённые резолюции, разносимые мировым радио — иногда с горячим одобрением, иногда с ужасом и отчаянием, — но никогда не имеем возможности крикнуть об этом вслух. Может быть некоторые из вас, сами для себя, еще чувствуют себя всего лишь только представителями своего штата или своей партии, — но мы отсюда, издали, не видим этих различий, мы воспринимаем вас не как демократов и не как республиканцев, а как представителей Восточного побережья, или Тихоокеанского, или Среднего Запада, — мы воспринимаем вас как деятелей, от каждого из которых в близком будущем зависит трагический или спасительный ход мировой истории.

В том наступающем сочетании мирового политического кризиса и данного поворота человечества, утомлённого и засорённого ложной иерархией ценностей, — на вас или на ваших последователей в Капитолии выпадут, уже сегодня ложатся, задачи непомерно огромные, несравненно более крупные, чем короткие расчёты дипломатии, межпартийной

борьбы или противоборения между Президентом и Конгрессом. И выбора нет, как только: возвыситься в рост с задачами века.

Очень скоро, слишком скоро вашему государству понадобятся не только незаурядные, но — великие люди. Найдите их в своих душах. Найдите их в своих сердцах. Найдите их — в глубинах своего Отечества!

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
I РЕЧЬ В ВАШИНГТОНЕ, 30 июня 1975 г., по приглашению АФТ-КПП	5
II РЕЧЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ, 9 июля 1975 г., по приглашению АФТ-КПП	55
III РЕЧЬ 15 ИЮЛЯ 1975 г., на приеме в Сенате США	97

PRINTED IN FRANCE

S.I.P.E., 32, rue de Ménilmontant — 75020 PARIS

ACHEVÉ D'IMPRIMER
EN NOVEMBRE 1975

Dépôt légal 4e trimestre 1975

